

## POST SCRIPTUM

(Из воспоминаний академиком А.Н. Яковлева,  
Е.М. Примакова и В.А. Мартынова)

Как уже говорилось, после смерти Н.Н. Иноземцева обязанности директора временно исполнял доктор экономических наук Владлен Аркадьевич Мартынов. Почти десять месяцев в ЦК КПСС и Президиуме АН СССР решался вопрос о преемнике Иноземцева. Возможно, все это время там велась закулисная борьба влияний и кандидатов на этот престижный пост. У Президиума Академии наук, судя по всему, были свои кандидатуры, у отдела науки ЦК КПСС могли быть свои<sup>1</sup>. Но окончательное право утверждения на номенклатурную должность директора ИМЭМО оставалось за Секретариатом и Политбюро. К маю 1983 г. из всех кандидатов остался один — Владлен Аркадьевич Мартынов, и.о. директора ИМЭМО. Мартынова поддержали и в Президиуме АН СССР, и в отделе науки ЦК КПСС<sup>2</sup>. В результате именно он и был рекомендован на утверждение Секретариата ЦК КПСС.

Но совершенно неожиданно для всех, буквально в последний момент, возникла другая кандидатура — доктора исторических наук Александра Николаевича Яковлева, профессионального партработника, а с 1973 г. посла СССР в Канаде.

---

<sup>1</sup> Тогдашний директор Института научной информации по общественным наукам В.А. Виноградов в своих воспоминаниях рассказывает, что после смерти Иноземцева вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев предлагал ему возглавить ИМЭМО. «Я категорически отказался, — пишет Виноградов. — Так же вел себя и в Отделе науки ЦК КПСС». // *Виноградов В.А. Мой XX век. Воспоминания*. М., 2003. С. 348. Известно, что рассматривались еще две кандидатуры — заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладина и С.М. Меньшикова, бывшего заместителя директора ИМЭМО, также работавшего в то время в Международном отделе ЦК..

<sup>2</sup> В.А. Мартынов в качестве и.о. директора ИМЭМО дважды выступал с научными докладами — на заседании Президиума Академии наук и в отделе науки ЦК. Его доклады получили там положительную оценку, равно как и осуществляемое им руководство текущей работой Института. Кандидатуру Мартынова поддерживал хорошо его знавший вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев.

Как впоследствии выяснилось, кандидатура Яковлева была предложена членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, который близко познакомился с ним в ходе подготовки своего визита в Канаду 17—24 мая 1983 г. На будущего Генерального секретаря произвела впечатление незаурядная личность «сосланного» в 1973 г. в Оттаву руководителя отдела пропаганды ЦК, осмелившегося высказать собственные, не совпадавшие с сусловскими, суждения об идейно-политических течениях в обществе и в современной советской литературе<sup>1</sup>.

Как вспоминает Александр Николаевич, на третий или четвертый день горбачевского визита в Канаду, когда они с Михаилом Сергеевичем один на один оказались за пределами стен посольского здания, между ними завязалась беседа о положении в стране. Горбачева будто прорвало, вспоминает Яковлев. В крайне эмоциональной форме он обрисовал тяжелое, едва ли не катастрофическое положение советской экономики, упирая на нежелание высшего руководства, т.е. своих коллег по Политбюро, искать пути по преодолению застоя. Со своей стороны, Яковлев, отвечая на неожиданную откровенность своего высокого гостя, тоже не стал подбирать выражений в критике внешней политики СССР, подрывающей, по его словам, международную стабильность и создающую угрозу миру. В ответ на гневные филиппики Яковлева Горбачев согласно кивал головой. Именно тогда между ними установились взаимопонимание и доверие.

— *Наверное, наоело тебе здесь, пого, домой хочется?* — обратился Горбачев к Яковлеву, завершая состоявшийся откровенный разговор.

— *Давно хочу,* — сразу же ответил Яковлев.

— *Послушай,* — продолжал Горбачев, — *У нас обсуждается вопрос о кандидатуре директора ИМЭМО, есть много претендентов. А ты пошел бы на это место?*

— *Конечно, наоело мне здесь за десять лет.*

— *Как ты думаешь, Академия наук, Фегосеев тебя поддержат?* — спросил Горбачев.

— *Мне кажется, да. С Александровым я знаком, но шапочно, а Фегосеев давно и хорошо меня знает. У меня всегда были с ним нормальные отношения.*

— *Ну, ладно, посмотрим,* — завершил Горбачев<sup>2</sup>.

Через пару дней он улетел в Москву.

Сразу же по возвращении из Канады Горбачев принял срочные меры по «вызволению» оттуда Яковлева, который был нужен ему в Москве, где назревали большие перемены. Горбачев знал, что на одном ближайших заседаний Секретариата ЦК должен был рассматриваться вопрос отдела науки о вакантной должности директора ИМЭМО.

<sup>1</sup> В конце 1972 г. в «Литературной газете» появилась статья А.Н. Яковлева с резкой критикой националистических тенденций в советской литературе. За публикацию этой статьи, не согласованной с Сусловым и Демичевым, Яковлев был снят с руководящей работы в ЦК КПСС и отправлен послом в Канаду, где ему довелось проработать долгих десять лет.

<sup>2</sup> Запись беседы с А.Н. Яковлевым 9 февраля 2004 г.

В последних числах мая, вспоминает Яковлев, я получил телеграмму от вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева: «Как вы отнесетесь к предложению занять должность директора ИМЭМО?».

*«Буквально через пять минут после получения этой телеграммы я сообщил о моем согласии»,* — вспоминает Яковлев<sup>1</sup>.

Кандидатуру Яковлева поддержал тогдашний генсек Ю.В. Андропов. В бытность свою в первой половине 60-х годов секретарем ЦК по отношениям с соцстранами он тесно соприкасался с Яковлевым, работавшим в отделе пропаганды на Старой площади. Доброе отношение к Яковлеву проявлял и К.У. Черненко. Они были знакомы с начала 60-х годов и всегда были на «ты». Когда Черненко станет Генеральным секретарем, он будет часто приглашать «Сашу» на свои официальные встречи с высокими зарубежными гостями, что должным образом оценила цековская номенклатура.

Как утверждает Вадим Алексеевич Печенев, бывший помощник К.У. Черненко, к возвращению Яковлева в Москву, со своей стороны, «приложили руку» А. Александров-Агентов, тогдашний помощник Андропова и Г. Арбатов, директор Института США и Канады<sup>2</sup>.

В мае 1983 г. доктор исторических наук А.Н. Яковлев был назначен директором ИМЭМО. К своим новым обязанностям он приступил лишь 16 августа, после того как сдал дела своему преемнику на посту советского посла в Канаде<sup>3</sup>.

Из автобиографии А.Н. Яковлева:

*«...Родился 2 декабря 1923 г. в д. Королево Ярославского района и области в семье крестьянина. В 1941 г. окончил среднюю школу в поселке «Красные Ткачи» и в том же году был призван в Советскую Армию. Служил рядовым в артиллерийской части, курсантом военного стрелково-пулеметного училища, а затем командиром взвода на Волховском фронте в составе 6-й бригады морской пехоты. В августе 1943 г. был тяжело ранен (5 пулевых ранений). До февраля 1943 г. пролежал в госпитале, после чего был демобилизован по инвалидности. Осенью 1943 г. поступил в Ярославский пединститут им. Ушинского, в котором очно проучился до 1945 г. В 1945 г. был направлен в ВПШ при ЦК КПСС. В 1946 г. сдал госэкзамены в Ярославском пединституте им. Ушинского по историческому факультету. По возвращении из ВПШ при ЦК КПСС в 1946 г. в течение двух лет работал инструктором отдела пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС, а затем — до 1950 г. — членом редколлегии областной газеты «Северный рабочий». В 1950 г. был утвержден зам. зав. отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС, а в следующем — зав. отделом школ и вузов того же обкома партии.*

<sup>1</sup> Запись беседы с А.Н. Яковлевым 9 февраля 2004 г.

<sup>2</sup> Печенев Вадим. Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1991. С. 28.

<sup>3</sup> Приказ № 642 по ИМЭМО АН СССР от 16 августа 1983 г. (личное дело А.Н. Яковлева)// Архив ИМЭМО РАН.

*С марта 1953 г. по 1956 г. работал инструктором ЦК КПСС — в отделе школ; в отделе науки и вузов. В течение 3,5 лет учился в аспирантуре АОН при ЦК КПСС. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Критика Американской буржуазной литературы по вопросу внешней политики США 1953—1957 гг.» С 1960 по 1973 год вновь работал в аппарате ЦК КПСС — поочередно инструктором, зав. сектором, первым заместителем зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, в течение последних четырех лет исполнял обязанности заведующего этим отделом. Одновременно (с 1966 по 1973 гг.) входил в состав редколлегии журнала «Коммунист». В 1967 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945—1966 гг.)». В 1973 г. был направлен на работу в Канаду в должности посла, проработав в этом качестве в течение 10 лет.*

*В мае 1983 г. назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. <...>»<sup>1</sup>.*

Еще до своего назначения на пост директора ИМЭМО доктор исторических наук А.Н. Яковлев был известен не только как высокопоставленный партийный работник и дипломат, но и как видный ученый-американист, хотя длительная работа на «идеологическом фронте» не могла не отразиться на его научных публикациях, отмеченных духом политической публицистики<sup>2</sup>. К чести Александра Николаевича следует отнести его собственное признание в том, что он и не претендовал на тот уровень профессионализма, который был присущ его предшественникам — академиком А.А. Арзуманяну и Н.Н. Иноземцеву.

Так или иначе, но А.Н. Яковлев, разумеется, не был неопитом в изучении современных международных отношений. В этом смысле, придя в ИМЭМО, он оказался на своем месте и быстро приобрел необходимые академические навыки<sup>3</sup>.

Именно при нем ИМЭМО сумел оправиться от ударов, пережитых в 1982 г., а близость Яковлева к набиравшему силу Горбачеву вернула Институту пошатнувшуюся было репутацию ведущего «мозгового центра» в изучении мирохозяйственных и международно-политических проблем. Из ИМЭМО бук-

<sup>1</sup> Приказ № 642 по ИМЭМО АН СССР от 16 августа 1983 г. (личное дело А.Н. Яковлева)// Архив ИМЭМО РАН.

<sup>2</sup> См.: Яковлев А.Н. Идеологическая ницета апологетов «холодной войны». М., 1961; он же. Призыв убивать. М., 1965; он же. Идеология американской империи. М., 1967; он же. Рах-Американа. М., 1969; он же (под псевдонимом Агашин Н.) Бедный Санта Клаус. М., 1983.

<sup>3</sup> Первое непосредственное знакомство А.Н. Яковлева с ИМЭМО произошло еще в 1967 г., когда он обсудил и успешно защитил там свою докторскую диссертацию. Став директором ИМЭМО, А.Н. Яковлев будет избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению проблем мировой экономики и международных отношений, а в 1990 г. станет действительным членом АН СССР (с 1991 г. — академиком РАН).

важно потоком пошли записки и разработки, подготовленные для Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева и других членов Политбюро. После вынужденной паузы Институт заработал с новой энергией.

Из воспоминаний Александра Николаевича Яковлева<sup>1</sup>:

*«<...> Мы с женой уже привыкли к Канаде, смирились с судьбой. Туда к нам приезжали и сын Анатолий на учебу, и дочь Наталья — на побывку. С нами жили поочередно внучки — Наталья и Саша.*

*Дела шли нормально. Из Москвы получал похвальные оценки. Но случилось гавно ожидаемое. Михаил Горбачев вернул меня домой. Возвращению в Москву я радовался, как ребенок. Не люблю сладкой патетики, но когда ты снова дома, возникает чувство нового рождения, И воздух вроде бы тот же, и небо, и звезды, но все другое, совсем другое. Честно говоря, я не осуждаю эмигрантов, скорее — сочувствую, стараюсь понять их, но каждый раз, ловлю себя на мысли: моя судьба — Россия.*

*Итак, я в Москве. Избран директором Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Институт престижный, прогрессивный, с хорошими традициями. Его возглавляли в разное время крупные ученые — Варга<sup>2</sup>, Арзуманян, Иноземцев. Дела пошли неплохо. Обстановка в институте творческая, открытая, разумеется, в той мере, в какой это было возможно в то время.*

*Я не мог претендовать на тот уровень профессионализма, которым обладали мои предшественники. Они всю жизнь занимались наукой, а я — урывками. Понимая это обстоятельство, решил для себя один принципиальный вопрос — не мешать людям работать, дать им оптимальную возможность для самореализации. Во многом это удавалось. Но, конечно, не всегда.*

*Облегчало работу то, что за спиной института стоял Михаил Горбачев, в то время — второе лицо в партии. Он часто звонил мне, иногда советовался, давал разные поручения, которые мы, в институте, охотно выполняли.*

*Но и желающих подставить нам ножку по разным пустякам было тоже немало, особенно со стороны горкома партии. Возможно, его первый секретарь Виктор Гришин не забыл старую обиду — он еще до Канады приглашал меня на работу в качестве второго секретаря горкома, но я отказался. Такое не прощается.*

*Как-то прошел в институте обычный научный семинар. Обсуждался вопрос, является ли золото всеобщим эквивалентом в условиях появления неф-*

<sup>1</sup> Яковлев Александр. Омут памяти. М., 2000. С. 221—238.

<sup>2</sup> А.Н. Яковлев здесь ошибся. Академик Е.С. Варга возглавлял не ИМЭМО, а Институт мирового хозяйства и мировой политики, закрытый, как говорилось, еще в 1947 г. В ИМЭМО Варга до выхода на пенсию работал в качестве старшего научного сотрудника. — П.Ч.

тедоллара, массового использования золота в электронике и т.п.? Кто-то донес в ЦК и в горком партии. Нас начали таскать по разным кабинетам, прорабатывать, грозились наказать за ревизионизм, но потом все затихло. Вообще в партийных аппаратах принципиально не хотели признавать разницу между партийными собраниями и теоретическими семинарами — они постоянно боролись за некую мифическую «чистоту» вероучения.

Другой случай. Пригласил я в институт Геннадия Хазанова, моего доброго друга. Зал был переполнен. Хазанов есть Хазанов. Люди смеялись до слез, аплодировали неистово. Все были довольны, Хазанов — тоже. Попили с ним чайку и довольные разошлись. На другой день прибегает ко мне секретарь парткома и говорит, что горком партии и Минкультуры формируют комиссию по проверке фактов «антисоветских высказываний Хазанова, не получивших в институте принципиальной оценки». Ничего себе! Кто-то, значит, стукнул, хотя, честно скажу, даже с позиций тех дней (а это был 1983 год) ничего в выступлении Хазанова предосудительного не содержалось. Но шизофреникам от идеологии показалось, что Хазанов делал странные паузы сомнительного характера, во время которых он хотел якобы сказать (судя по его выражению лица) нечто неподобающее, но... выразительно молчал. А в зале смеялись.

Позвонил мне Геннадий и сообщил, что его артистическая деятельность под вопросом. Его уже приглашали в Минкульт. Мне пришлось прибегнуть к помощи моего старого товарища Виктора Гаврилова, он был помощником министра культуры Петра Демичева. Виктор Павлович и прекратил этот наскок.

Еще пример. При моем предшественнике Николае Иноземцеве институт подвергся мощнейшей атаке со стороны горкома партии и городских спецслужб. Дело в том, что какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они «сбивают с толку» Брежнева, протаскивают разные ревизионистские мысли, ослабляют силу партийного воздействия на массы и государственные дела. Этой группе из Политбюро активно помогал заведующий отделом науки ЦК Трапезников и помощник Брежнева Голиков.

Дело дошло до того, что в московских вузах кагэбисты «организовали раскрытие» ими же организованных «антисоветских групп». В число «злосознанных» попал и наш институт. Иноземцев был выбит из седла, смят. Эта гришинская операция, я убежден, ускорила смерть Николая Николаевича<sup>1</sup>. Так или иначе, но в институте прошли аресты, некоторых ученых сняли с работы, исключили из партии и сделали «невъездными». Я слышал об этом еще будучи в Канаде. Теперь, когда пришел в институт на работу, узнал, что многим талантливым ученым не разрешаются поездки за границу.

<sup>1</sup> А.Н. Яковлев, как и Г.А. Арбатов, придерживается версии о Гришине, как главном организаторе травли Н.Н. Иноземцева и его Института. — П.Ч.

*Институт начал терять свой международный авторитет, чего, собственно, и добивались городские партийные власти и спецслужбы.*

*После понятных колебаний решил позвонить в контрразведку КГБ. Там отнеслись к проблеме сочувственно, но отослали к городским властям, поскольку, как сказали в КГБ, «горожане заварили кашу, пусть и выпутываются». Я стал говорить об этой проблеме вслух на разных совещаниях. Одновременно попросил институтский партком начать восстановление в партии пострадавших, снятие выговоров. Все это очень не понравилось руководству горкома партии. Нажим на институт усиливался. Проверки, придирки, записки о недостатках, критика на совещаниях и т.д. — набор известен. Особое раздражение у городских властей вызывало то, что я не ходил на всякого рода собрания-заседания, бесконечно собираемые горкомом партии, посылая туда кого-то из заместителей. Отказался посылать ученых института на уборку мусора на строительных площадках разных объектов в районе.*

*Однажды в партком института прислали анкету, в которой предлагалось заполнить несколько граф с указанием фамилий тех будущих руководителей института, которые заменят нынешних. Это касалось и директора института. Я решил оставить анкету без внимания из-за ее предельной глупости. Но вдруг из райкома срочно запросили анкету обратно. Оказалось, что об этой затее узнал Аркадий Вольский (в то время помощник Андропова) и устроил на эту тему крупный разговор с партийным начальством города.*

*Тем временем я продолжал настаивать на «очищении» ученых института от ярлыка «невъездных». В конце концов контрразведка согласилась на своеобразный компромисс. Я, директор института, соглашаюсь на установление в институте должности «офицера по безопасности» в качестве моего административного помощника, а контрразведка знакомит меня с делами о «невъездных»<sup>1</sup>.*

*В институт прислали полковника Кима Смирнова — добродетельного человека, который многое сделал для того, чтобы избавить от разных наветов коллектив института. В итоге десятки докторов и кандидатов наук получили разрешения на поездки за рубеж. А запреты были часто по причинам, которые сегодня понять невозможно. Одному ученому закрыли зарубежные поездки только потому, что он не стал выступать на партсобрании, посвященном вводу советских войск в Чехословакию. Человек сослался на недомогание, чему не поверили. Ах, так? Шаг в сторону — сиди дома!*

*Пожалуй, стоит рассказать еще об одном случае из тех времен, когда по указанию Андропова на улицах, в магазинах, парикмахерских, даже в банях начали вылавливать тех, кто в момент отъезда должен находиться на рабо-*

<sup>1</sup> Как уже говорилось, инициатива введения в ИМЭМО такой должности принадлежала Н.Н. Иноземцеву. Еще весной 1982 г. он обращался с соответствующей просьбой в ЦК КПСС, но вопрос был решен только в 1983 г., когда КГБ откомандировал в ИМЭМО своего представителя, полковника К.И. Смирнова. — П.Ч.



те. Глупость несусветная, мера унижительная. Казалось бы, за «беглыми крестьянами» прекратили охотиться еще в прошлом веке, но большевистский бюрократ, а он, когда речь идет о беззаконии, особо ретив и всегда готов поиздеваться над людьми. Облавы не обошли даже научные институты. Ведь люмпен, пусть даже в генсековском обличье, уверен, что ученый тоже должен «от и до» сидеть за канцелярским столом и подконтрольно заниматься научными открытиями.

Однажды прихожу в институт и вижу при входе каких-то неизвестных мне людей и наших растерянных старушек вахтерш.

— Предъявите ваши документы! — потребовали они.

Я малость ошалел и спрашиваю у вахтерши:

— Кто это такие?

— Говорят, комиссия из райкома.

— Какая комиссия? Кто разрешил им войти в институт? Кто выписал пропуск?

— Ваш замдиректора по хозяйственной части.

— Позовите его сюда.

Проверяющие заволновались, поняли, что обмишурились, но пытались объяснить мне, что находятся здесь по решению райкома партии, что обязаны зафиксировать тех, кто опоздал или вообще не явился на работу.

Подошел мой заместитель. Я спросил его, что это за люди и кто разрешил им проверку. Он начал что-то объяснять, а я попросил проверяющих покинуть институт и больше не приходить сюда без санкции прокурора.

Весть об этом инциденте быстро разнеслась по научным учреждениям. Я даже получил поздравительные телефонные звонки. Проверяющие больше не приходили. Ожидал упрека «сверху», но его не последовало.

В конце концов меня стали раздражать эти бесконечные придиурки к институту. Хотел пойти к Горбачеву и рассказать обо всем, но побоялся, что все это будет расценено как грязги. В этот момент меня пригласил на беседу Вагим Медведев — заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК. Перед Канадой он был моим заместителем по отделу пропаганды. Я рассказал ему о делах в институте, в том числе и о возне, связанной с фабрикованием дел на некоторых ученых института.

Выслушав меня, он сказал: «По-дружески не советовал бы связываться с Гришиным, никому это не нужно сейчас». Я так и не поинтересовался, от чьего имени — Горбачева или своего — он дал такой совет. Через какое-то время он предложил мне пост министра просвещения СССР, я отказался. Кстати, Горбачев поддержал меня в этом отказе. «Зачем тебе мелки считать да грова возить. Ты уже был заведующим отделом школ и вузов в обкоме, знаешь, что это такое».

В целом мне работалось очень хорошо. До сих пор считаю годы работы в институте лучшими годами своей жизни. Интеллектуальный уровень коллектива был весьма высоким. Конечно, имелось немало бездельников, как и во всех советских учреждениях, но не они делали погоду. Я чувствовал поддержку в коллективе. Мне удалось ликвидировать «военный отдел». Да, бы-



ло и такое. Там, где он размещался, даже часовые стояли. Оказывается, Минобороны направляло туда пенсионеров, тех, которых было жалко оставлять без работы. После двух-трех бесед с руководителями этого отдела я понял, что занимаются они делом бесполезным. Пришлось преодолеть упорное сопротивление Генштаба и работников ЦК, занимавшихся военными делами. Был образован отдел тихоокеанских исследований, чему я придавал особое значение с точки зрения перспектив мирового развития.

Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК, выполнял разные поручения, готовил десятки справок (например, работники международного отдела ЦК очень любили перекадывать собственную работу на институт). Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось «большим доверием». А те, кому «доверяли», были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило «свой» текст, его авторы садились у телевизора и комментировали это театральное представление: «А вот этот кусок мой», «А вот эту чушь ты придумал», «А теперь меня читает». Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда.

В эти два институтских года я выпустил несколько книг «Идеология американской империи», «Рах Америка», «От Трумэна до Рейгана», написал десятки статей. Я изголодался по творческой работе. Книжки и статьи были посвящены историографии американской внешней политики, анализу различных концепций в этой области. Они были достаточно острыми, порой предвзятыми, но базировались в основном на высказываниях американских же авторов. Хотел бы повторить еще раз, что нарочитое обострение моих рассуждений объяснялось в том числе и тем, что я еще как бы «не остыл» от примитивной американской антисоветской пропаганды, которая воспитывала в основном только советский патриотизм, то есть работала на укрепление коммунистической идеологии.

В таком же раздраженном гуде я писал и разные статьи. За одну из них был публично раскритикован секретарем ЦК Михаилом Замятыным на одном из идеологических совещаний. Он назвал ее слишком резкой, неуместной. Эта оценка шла от международного отдела. Но на этом же совещании меня поддержал Егор Лигачев. В американской печати я был назван лидером одного из направлений в политологии, которую назвали «антиамериканской разрядкой».

Случались и более серьезные вещи, чем составление разных речей. В начале 1984 года институт направил в ЦК записку о необходимости создания совместных предприятий с зарубежными фирмами. Предлагалось создать три типа предприятий: с западными странами, с социалистическими и развивающимися. Наши предложения аргументировались назревшими задачами постепенного вхождения в мировое хозяйство. Меня пригласил к себе секретарь ЦК Николай Рыжков и, надо сказать, проявил большой интерес к этой проблеме, расспрашивал о деталях предложения, поддержал его общую направленность. К сожалению, идея в то время не получила развития.

Еще более примечательный случай произошел с документом, подготовленным по просьбе Госплана СССР. Тема — перспективы развития советской экономики. Была создана группа из ведущих ученых нескольких институтов. Работали долго, без конца обсуждали записку, понимая ее «шершавость» для восприятия властями. Наконец послали наши выводы в Госплан. Через несколько недель заместитель председателя Лев Воронин собрал специальное совещание по этому вопросу. Возмущению его не было конца. Он уговаривал нас взять записку обратно, сказал, что не может послать подобного рода документ в ЦК, что записка льет воду на чужую мельницу и т.д.

Особенно его возмутил вывод, что если советская экономика и дальше будет развиваться на тех же принципах, то где-то в последнее десятилетие XX века мы резко откатимся назад, примерно на 7-е место по ВВП, и окажемся в глубоком экономическом кризисе. Спорили долго. Записку назад мы не взяли. Куда она делась, не знаю. Видимо, затерялась в архивах Госплана. В институте ее нет, поскольку по правилам мы могли хранить документы под грифом «Сов. секретно» только один год.

Особенно ладно шла работа с Горбачевым. Он постоянно звонил, иногда просто так — поговорить, чаще — по делу, с поручениями. Писали ему разные записки, включая познавательно-просветительские. По всему было видно, что он готовил себя к будущему, но тщательно это скрывал. Среди людей, которые первыми оказались в ближайшем окружении Горбачева, на разговоры об этом будущем было наложено табу.

В этих условиях Горбачев предпринял два сильных хода. Провел через Политбюро решения о созыве Всесоюзного совещания по идеологическим вопросам с его докладом и о своей поездке в Англию. То и другое состоялось в декабре 1984 года. Оба эти шага оказались весьма гальновидными. Они продемонстрировали партийному активу в стране, а через Тэтчер — и всему миру, что в России есть лидер, который способен предложить нечто новое. Что конкретно, никто не знал, но смутные надежды приобретали шаг за шагом реальные очертания. Постепенно складывалась «горбачевская легенда».

Положение в правящей элите оставалось неопределенным. Управляя страной Константин Черненко — неизлечимо больной человек. По моим наблюдениям, он и не стремился стать «первым лицом», публичная политика была не для него. Да и само его назначение носило в известной мере комедийный оттенок. После смерти Андропова сразу же собралось Политбюро. Расселись за столом. Председательское кресло пустое. Дмитрий Устинов запозывал. Как только он пришел, первым делом обратился к Черненко: «Ты что, Костя, не на своем месте сидишь?». Последовали возгласы поддержки. Черненко пересел. И там остался.

Черненко жил в основном на гаче. На «хозяйстве» был Горбачев, хотя действовать как полный хозяин не мог. Каждый его шаг фиксировался и часто в искаженном виде доводился до Черненко. К тому же у Михаила Сергеевича сложились явно плохие отношения с рабочим окружением Черненко, за исключением Лукьянова, который считался «человеком Горбачева». Лукьянов был заместителем Боголюбова — заведующего могущественным

*Общим отделом. Остальные советники и помощники явно боялись прихода Горбачева к власти. Тугой узел интриг завязывался на моих глазах.*

*Уж коль речь зашла о Черненко, я расскажу о своих отношениях с ним. Может быть, отдельные факты добавят что-то к его портрету. Работая в ЦК, еще до поездки в Канаду, я слышал о нем как о слабом идеологическом работнике в Молдавии, но в то же время как о спокойном, уравновешенном человеке. Так оно и было. Но судьба играет человеком.*

*Помню, как в 1960 году, еще до окончания Академии общественных наук, меня пригласил на беседу заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Леонид Ильичев и предложил работу инструктора отдела. Я сказал Ильичеву, что уже принял предложение Ярославского обкома КПСС вернуться в родной город в качестве директора педагогического института, который я в свое время окончил.*

*— Ну, это дело мы с Ярославлем уладим, — сказал Леонид Федорович.*

*Уладили. Вопрос был решен. Я опять оказался в ЦК, но уже не в отделе школ и вузов, а в Агитпропе. Мне было предложено пойти в сектор агитации, который как раз и возглавлял Черненко. Я отказался. Но причина была, конечно, не в Черненко. По предыдущей работе в Ярославском обкоме я хорошо знал всю никчемность так называемой агитационной деятельности и связанную со всем этим ложь. «Агитация что спутник. Летает высоко, но как только приближается к матушке-земле, тут же сгорает дотла», — шутили агитпроповцы уже в то время. Кстати, Черненко ни тогда, ни после, уже будучи вершителем судеб миллионов людей, ни разу не упрекнул меня в «опрометчивости» моего поступка, наши отношения оставались товарищескими на уровне «Костя — Саша».*

*Когда я вернулся из Канады и стал директором Института мировой экономики и международных отношений, он начал приглашать меня на свои встречи с высокими зарубежными визитерами — как по государственной, так и по партийной линии. Заходить к нему время от времени советовал мне и Горбачев.*

*Новая встреча со «старым домом» на Старой площади ошарашила меня. Ничто не ожило. Кругом мертво. Ни писка, ни визга, ни птичьего пения, ни львиного рычания. Стоячее болото, покрытое ряской. Ни новых идей, ни новых людей.*

*По моим ощущениям, теми же разграбителями жил и Горбачев. Мы не скрывали друг от друга наши впечатления и мысли, открыто говорили все, что приходило на ум, даже самое сакраментальное. Такая атмосфера в наших отношениях установилось еще со времени подготовки его визита в Канаду весной 1983 года. Рассказываю обо всем этом, чтобы подчеркнуть: Черненко, повторяю, как человек был незлобивым, компанейским, открытым. Как политик — никчем, полуграмотен, постоянно нуждался в опеке, ибо мало знал и еще меньше понимал. Стандартный тип бумаготворца, случайно вытасченного «наверх» Брежневым.*

*В этой обстановке Горбачеву было очень трудно. Он горел желанием работать, но ему мешали, как могли.*

*Итак, совещание в декабре 1984 года. Горбачев поручил отделу пропаганды подготовить Проект доклада, заранее понимая, что из этого ничего путного не получится. Одновременно с той же целью пригласил Болдина, Медведева, Биккенина и меня.*

*Наиль Бариевич Биккенин.*

*Умный, образованный, из интеллигентной семьи. Весьма наблюдателен и тактичен. Обладает яркой способностью делать очень точные замечания о характерах и поведении людей аппаратного типа. Порой язвительен. Обидчив, но умеет держать свои обиды в себе. Из-под его пера выходили красивые по языку и глубокие по содержанию тексты. Верен в дружбе, безусловно порядочен.*

*Валерий Иванович Болдин.*

*Я узнал его, когда еще молодым человеком он работал в приемной секретаря ЦК КПСС Ильичева. Собранный, вежливый, улыбчивый человек. Так случилось, что после освобождения Ильичева от должности мне пришлось приложить немало усилий, чтобы Болдина взяли на учебу в Академию общественных наук, а потом на работу в газету «Правда». Я был уже в Канаде, когда Горбачев взял Валерия Ивановича к себе помощником. У нас остались хорошие отношения. Он помогал организации поездки Горбачева в Канаду. В цеховский период работы мы сохраняли с ним деловые отношения. Не знаю почему, но он постепенно становился все замкнутее и осторожнее. Наверное, из-за обилия секретов, которые он сторожил. Я совершил ошибку, когда близко свел Валерия Ивановича с Крючковым. До сих пор не могу понять, как Болдин смог оставить Горбачева в трудных обстоятельствах. Наверное, из-за непомерного тщеславия и несбывшихся надежд.*

*Вагим Андреевич Медведев.*

*Работал с ним в одном отделе, а затем в Политбюро. Не скажу, что наши взгляды всегда совпадали, но свои разногласия мы решали на дружеской, товарищеской основе. Сух по характеру, иногда скрытен, но я лично не помню, чтобы он хитрил или не был откровенен со мной. Бывал упрям, но упрямство шло от убеждений, Не согласен с обвинениями его в «консерватизме», «догматизме».*

*Это несправедливые нарекания. Что особенно ценно, Вагим Андреевич — порядочен, начисто лишен таких распространенных в аппарате качеств, как подхалимство и приспособленчество. В одной из своих книг он критикует меня за «непрофессионализм» в оценках марксизма. Спорить не собираюсь. Но не возьму в толк, зачем он взялся за столь бессмысленное дело, как защита марксизма.*

*Такова была первая группа наиболее близких помощников Горбачева. Привлекались и сотрудники групп отделов ЦК для подготовки так называемой «рыбы», то есть предварительных текстов, которые можно было активно использовать, равно как и выбросить в ближайшую мусорную корзину.*

*Михаил Сергеевич сказал нам, что хорошо понимает сложность своего положения; Доклад не должен быть обычной идеологической болтовней. Но в то же время надо избежать и прямого вызова Черненко и его окружению.*

Нельзя не учитывать и замшелые настроения основной массы идеологических работников. Задача была почти непосильная. Горбачеву хотелось сказать что-то новенькое, но что и как, он и сам не знал. Мы тоже не знали. Будучи и сами еще слепыми, пытались выменять у глухих зеркало на балалайку.

Правда, надо заметить, что уже при подготовке предыдущих речей для Горбачева мы постепенно начали уходить от терминологической шелухи, надеясь преодолеть тупое наукообразие сталинского «вклада» в марксистскую теорию. Но делали это через «чистого» Ленина, выискивая у него соответствующие цитаты. И в этом докладе содержались попытки реанимировать некоторые путанные положения нэповских рассуждений Ленина и связанные с ними проблемы социалистического строительства, то есть мы старались как бы осовременить некоторые ленинские высказывания в целях назревшей модернизации страны.

Из этого, как известно, ничего не получилось, да и не могло получиться. Впрочем, марксистско-ленинская теория уже мало кого интересовала всеерьез. Может быть, только небольшая группа людей в научных и учебных заведениях, зарабатывающая на марксизме-ленинизме хлеб для своих детишек, вынуждена была писать банальные статьи, соответственно готовиться к лекциям и семинарам. Мы же, хитроумничая и пытаясь отыскать черного кота в темной комнате, надеялись, что политические активисты поймут наши намеки, оценят их и задумаются. Мы оказались наивными, продолжая верить в эффективность эзопова языка.

Как я уже сказал, сначала проект доклада был подготовлен в Агитпропе. Возглавлял его тогда Борис Стукалин — человек лично порядочный, но безо всякой меры послушный. Мы были с ним в дружеских отношениях, вместе побывали в Чехословакии в 1968 году, на Всемирной выставке в Монреале. Ни он, ни я никогда друг друга не «подставляли».

Предложенный отделом и завизированный секретарем ЦК Зимяниным текст доклада был удивительно стандартным, состоял из дежурных положений относительно гениальности марксистско-ленинского учения, мудрости политики партии, необходимости бескомпромиссной борьбы со всякого рода ревизионистскими происками, посягающими на чистоту марксизма-ленинизма. На вопрос что может означать чистота «вечно развивающегося», никто ответить не мог.

Любопытный человек Михаил Зимянин. Партизан. Комсомольский, а затем партийный секретарь в Белоруссии, посол во Вьетнаме, заместитель министра иностранных дел, главный редактор «Правды». Как раз в это время у меня сложились с ним добрые отношения, достаточно открытые. Мы доверяли друг другу. На Секретариатах ЦК он выступал довольно самостоятельно, не раз защищал печать и иногда спорил даже с Сусловым. Поддержал мою статью в «Литературке», позвонил мне и сказал добрые слова.

Я отправился в Канаду с этим образом Михаила Васильевича.

В один из отпусков решил зайти к нему. В первые же минуты он соорудил изгородь. Я попытался что-то сказать, о чем-то спросить — стена из междометий. Я встал, попрощался, но тут он вдруг пошел провожать меня,

пошел даже до коридора и, глядя на меня растерянными глазами, буркнул: «Ты извини, стены тоже имеют уши». Собеседник мой боялся, что я начну обсуждать что-нибудь сакраментальное, как бывало прежде. Больше к нему не заходил.

Когда я вернулся в Москву, он еще был секретарем ЦК. Однажды он пригласил меня по делам института. Думаю, это было где-то в 1984 году. Во время разговора раздался звонок Андропова. Зиянин сделал мне знак молчать. Все его ответы Андропову сводились к одному слову: «Есть». Я видел его перепуганное лицо. После разговора он облегченно вздохнул и сказал мне: «Ты не говори, что присутствовал при разговоре».

Когда Стукалин приехал к нам на дачу в Серебряный Бор, я стал задавать разного рода «неприличные» вопросы по тексту, пытаясь понять, что же в действительности стоит за набором всяких глупостей, от которых я уже отвык, в ответ Борис сказал мне:

— Ты, Александр Николаевич, долго жил за границей, естественно, отстал, пока еще не успел заметить, как далеко мы продвинулись вперед.

Говорил он доброжелательно, с улыбкой. Я думал, шутит. Впрочем, может быть, и шутил.

Политическую пошлость текста хорошо понимал и Михаил Сергеевич. Он долго возмущался, буквально «кипел». Говорил, что пропагандисты хотят дурачком его представить. Текст текстом, но положение его было действительно двусмысленным, требующим осторожности. Все тогда понимали, что Константин Устинович проживет недолго, что в самое ближайшее время предстоят серьезные изменения в руководстве страной. Придворные игры были в разгаре. Каждый, и не только на самом верху, примерялся к своему воображаемому будущему, искал союзников и стремился «утопить» возможных соперников. Высшие чиновники суетились, как тараканы на горячей сковороде.

Михаил Сергеевич оценивал все это достаточно трезво, но не мог не считаться с реальной обстановкой, а также с тем, что непосредственное окружение Черненко было на редкость ортодоксальным и делало все возможное, чтобы власть не оказалась в руках Горбачева, от которого они ничего хорошего для себя не ждали.

Доклад подготовили. От агитпроповского варианта не осталось ни строчки. В то же время не могу сказать, что он был полностью адекватен времени. Он и не мог быть таковым. Но там нашла свое место мысль о творческом подходе к решению общественно-экономических проблем и о том, что в центре этих процессов должен стоять человек, а не власть. Не ахти какие открытия, но они диссонировали с умонастроениями в номенклатуре, звучали как бы приглашением к дискуссии, которой аппаратчики опасались больше всего. Горбачеву хотелось взбаламутить это стоячее болото.

Еще в процессе подготовки доклада до нас, основных подельников, из ЦК стали доходить разговоры о том, что задуманное совещание — затея ненужная, необходимости в нем нет, на местах к нему отношение прохладное, а если и надо его проводить, то только на уровне Генерального секре-



таря ЦК. Тут и была «зарыта собака». Слухи эти распускались окружением Черненко.

Они подтвердились, когда проект доклада был разослан по Политбюро и Секретариату ЦК. Реакция была противоречивой, но в целом нейтрально-равнодушной. Члены Политбюро знали о настроениях Черненко, но ссориться с Горбачевым никто не хотел. В окружении Черненко доклад вызвал явно отрицательную реакцию. По номенклатурным ушам пробежал слухок, что Генеральному доклад не понравился — в нем слабо показана роль ЦК в идеологии, нечетко очерчены основные принципы марксизма-ленинизма. Иными словами, была предпринята попытка, направленная на то, чтобы, воспользовавшись теоретической неграмотностью Черненко, настроить его против некоего «ревизионизма» Горбачева, принудить последнего к обычному идеологическому словоблудию. Особый упор делался на то, что «слишком мало сказано» о достижениях в теории и практике партии, а вот задачи прозвучали «слишком масштабно», хотя последнее является прерогативой генсека.

Так случилось, что я был в кабинете Михаила Сергеевича, когда ему позвонил Черненко из-за города (прихворнул) и начал делать замечания по докладу (шпаргалку для разговора ему подготовил Косолапов — тогдашний редактор журнала «Коммунист», а ныне активист одной из коммунистических партий). Михаил Сергеевич сначала слушал внимательно, но заметно было, что потихоньку «закипал». Затем взорвался и стал возражать генсеку, причем в неожиданном для меня жестком тоне. Он понял, что практически все слухи, создававшие напряжение вокруг совещания и доклада Горбачева, подтвердились — они нашли свое отражение в замечаниях Черненко.

— Совещание откладывать нельзя, — говорил Горбачев. — В партии уже знают о нем. Отмена вызовет кривотолки, которые никому не нужны. Что же касается конкретных замечаний, то многие из них просто надуманы. — И так далее, в том же духе.

Разговор закончился, Горбачев был разъярен:

— Ох уж эти помощники, какой подлый народ, ведь сам-то Черненко ничего в этом не понимает. Говорит, что роль ЦК унижена, а на самом-то деле он себя имеет в виду. Слушай, — обратился он ко мне, — давай о нем что-нибудь напишем. Черт с ним! Конкретные замечания не принимаю. Пусть все остается, как есть.

Так появилась пара хвалебных абзацев о Черненко в самом начале доклада.

Но аппарат есть аппарат. Он коварен и мстителен. По средствам массовой информации пошло указание замолчать содержание доклада. То же самое — и по партии. Михаил Сергеевич переживал сложившуюся ситуацию очень остро. Возмущался, говорил о тупости партийных чиновников, рабской зависимости печати, что соответствовало действительности.

Еще одна маленькая деталь. Я не был приглашен на совещание, хотя все директора институтов Академии наук там присутствовали. Понятно, что мне мелко мстили за мое участие в подготовке доклада Горбачева. Конечно, меня это задело, но я решил никуда не звонить, ничего не просить и не жаловаться.



*Но к вечеру позвонил Михаил Сергеевич и спросил:*

*— Ну как?*

*— Ничего не могу сказать. Я не был на совещании.*

*— Почему? Что случилось?*

*— Не пригласили. Пропуска не дали.*

*— Вот видишь, что делают! Стервецы!*

*На следующий день пропуск прислали. Поехал. С перепугу работники Агитпропа стали тащить меня в президиум, но я отказался. Речи выступающих отличались пустотой. Было заметно, что огни не поняли, что было сказано в докладе, другие делали вид, что не поняли, и молчали всякую чепуху из привычного набора банальностей о партийной учебе и агитации. Общая интонация выступающих была явно направлена на то, чтобы попытаться заболтать те положения доклада, которые не очень-то укладывались в общепринятые рамки. А по Москве был пущен слух, что доклад Горбачева слабый и не представляет научного и практического интереса.*

*Вечером я позвонил Михаилу Сергеевичу и поделился своими впечатлениями. Он согласился и заметил, что «игра идет крупная».*

*Этим рассказом я хочу лишь напомнить о той реальной обстановке в высшем эшелоне аппарата партии, которая складывалась перед Перестройкой.*

*Как я уже упомянул, в этом же месяце Горбачев поехал в Англию. Меня он включил в состав делегации. Этот визит был интересен во многих отношениях. Запад после его поездки в Канаду и оценок со стороны авторитетного Трюдо начал с особым вниманием приглядываться к Горбачеву, не без оснований считая, что с ним еще придется иметь дело в будущем. Горбачев оказался на политическом испытательном стенде да еще под наблюдением такой пронизательной политической тигрицы, как Маргарет Тэтчер. Это она потом поставила диагноз, заявив, что с этим человеком (с Горбачевым) можно иметь дело.*

*Горбачев был принят на высшем уровне. Я имел возможность наблюдать яркое представление, очень похожее по своим контрастным краскам и поведению актеров на театральное. В перерывах между официальными беседами Тэтчер — само очарование. Обаятельная, элегантная женщина, прекрасно ведущая светский разговор. Наблюдательна и остроумна.*

*Но как только начинались разговоры по существу, Тэтчер преображалась. Суровость в голосе, прокурорские искры в глазах, назидательные формулировки, подчеркивающие собственную правоту. Видимо, поэтому ее называли «железной леди», хотя я ничего в ней железного не увидел (встретался я с ней неоднократно, в том числе и у нее дома).*

*Горбачев вел себя точно. Ни разу не впал в раздражение, вежливо улыбался, спокойно отстаивал свои позиции. Переговоры продолжали носить зондажный характер до тех пор, пока на одном из заседаний в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил из своей папки карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствующими о том, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракет-*

ных ударов по Великобритании, показано, откуда могут быть эти удары и все остальное,

Тэтчер смотрела то на карту, то на Горбачева. По-моему, она не могла понять, разыгрывают ее или говорят всерьез. Пауза явно затягивалась. Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока еще не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачев:

— Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее.

— Да, — ответила несколько растерянная Тэтчер.

Из Лондона уехали раньше срока, поскольку нам сообщили, что умер Устинов — министр обороны.

Кстати, в Лондоне нашел меня Лев Толкунов и сообщил, что меня избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Вечером в отеле, как говорится, имели место быть теплые поздравления.

Совещание по идеологии и визит в Англию оказались, как я считаю, своеобразной прелюдией, пусть и робкой, к тем переменам, которых напряженно ждала страна. Они наступили весной следующего, 1985 года.

А пока что жизнь шла своим чередом.

После моего возвращения из Канады резко изменил отношение ко мне Владимир Крючков. Он как бы забыл о времени, когда он и Андропов после провала их операции в Оттаве начали вести против меня стрельбу «на поражение». Крючков напористо полез ко мне в грузью, а мне было тоже интересно поглубже понять, что это за контора такая, которая на пару с ЦК держала всю страну за горло. По правде говоря, внешняя разведка меня мало интересовала, а вот, скажем, идеологическое управление КГБ представляло большой интерес. Мне хотелось понять, почему интеллигенция, средства массовой информации, религия находятся на откупе этой организации, в чем тут смысл?

А Крючков тем временем много и в негативном плане рассказывал мне об этом управлении. Он стал буквально подлизываться ко мне, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора. Например, когда я сказал, что хорошо бы на примере одной области, скажем Ярославской, где крестьян надо искать днем с огнем, проэкспериментировать возможности фермерства, он отвечал, что это надо делать по всей стране и нечего осторожничать. Когда я говорил о необходимости постепенного введения альтернативных выборов, начиная с партии, он высказывался за повсеместное введение таких выборов. Всячески ругал Виктора Чебрикова за консерватизм, утверждал, что он профессионально человек слабый, а Филиппа Бобкова поносил последними словами и представлял человеком, не заслуживающим доверия, — душителем инакомыслящих, восстанавливающим интеллигенцию против партии. Просил предупредить об этом Горбачева, хотя тот еще не был генсеком.

Он писал мне в то время:

«Находясь на ответственных постах, Вы содействуете успешному проведению внешней политики нашего государства. Своими высокими чело-

*веческими качествами — принципиальностью, чуткостью и отзывчивостью Вы заслужили уважение всех, кто знает Вас. Вас всегда отличали творческая энергия, инициатива и большое трудолюбие».*

*В последующих письмах соплей было еще больше.*

*В часы заседания Политбюро, на котором решалась проблема будущего руководителя партии и страны, Крючков пригласил меня в здание разведки. Он сослался на то, что в приемной Политбюро у него «свой» человек, и мы, таким образом, будем в курсе всего происходящего. Мое любопытство и острота момента победили осторожность.*

*Пристраиваясь к обстановке, он навязчиво твердил мне, что генсеком должен стать Горбачев. <...>*

*Кстати, «свой» человек в приемной Горбачева вскоре стал руководителем того подразделения в контрразведке, которое занималось подслушиванием телефонных разговоров высшего эшелона власти, в том числе и членов Политбюро.*

*Итак, мы потягивали виски, пили кофе и время от времени получали информацию из приемной Политбюро. Первая весточка была ободряющей: все идет нормально. А это означало, что предложена кандидатура Горбачева. Не скрою, я, зная состав Политбюро, опасался, что начнется дискуссия. Но этого не случилось. И когда пришло сообщение от агента Крюčkова, что Горбачева единогласно возвели на высокий партийный трон, Крючков воодушевился, поскольку именно с этим событием он связывал свою будущую карьеру.*

*Облегченно вздохнули, поздравили друг друга, выпили за здоровье нового генсека. Крючков снова затеял разговор по внутренним проблемам КГБ. Он «плел лапти» в том стиле, что Горбачеву нужна твердая опора, которую он может найти прежде всего в КГБ. Но при условии, что если будут проведены серьезные кадровые изменения. Необходимо продолжить десталинизацию общества и государства, чего не в состоянии сделать старые руководители.*

*Замечу, что все это происходило до того, как началась политика кардинальных преобразований. Я только потом понял, что Крючков, зная о моих настроениях (в ИМЭМО работал большой отряд КГБ), пристраивался к ним из карьерных соображений. К стыду своему, я поспешил зачислить его в демократический лагерь, но и Крючков, надо признать, играл профессионально.*

*Началась моя новая жизнь, полная энтузиазма и тревог, разочарований и заблуждений, ошибок и восторгов — всего понемногу. <...>»*

Тесное сотрудничество Александра Николаевича с Горбачевым ни у кого в Институте не оставляло сомнений в том, что ИМЭМО — промежуточный этап в карьере Яковлева. Эти ожидания в скором времени оправдались. В должности директора ИМЭМО Яковлев проработает чуть более двух лет.

После того как Горбачев в марте 1985 г. стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, он призвал Яковлева на Старую площадь. 10 июля 1985 г. член-корреспондент АН СССР А.Н. Яковлев был назначен заведующим отделом пропаган-

ды, год спустя стал секретарем ЦК КПСС (на этом посту он сменил отправленного в отставку Михаила Зимянина), а еще через год — членом Политбюро. Именно Яковлев, по всеобщему мнению, был истинным «архитектором перестройки», начатой Горбачевым.

Из Распоряжения Президиума Академии наук СССР от 24 июля 1985 г.:

«В связи с утверждением члена-корреспондента АН СССР Яковлева А.Н. заведующим отделом ЦК КПСС считать его освобожденным от обязанностей директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с 10 июля 1985 г.

Президент  
Академии наук СССР  
академик А.П. Александров

Главный ученый секретарь  
Президиума Академии наук СССР  
академик Г.К. Скрыбин»<sup>1</sup>.

Преемником А.Н. Яковлева на посту директора ИМЭМО в ноябре 1985 г. стал Евгений Максимович Примаков, которого хорошо знали в Институте по его прежней там работе. По свидетельству Яковлева, с его переходом на работу в ЦК, на престижный пост директора ИМЭМО претендовали несколько человек, среди которых наибольшие шансы были у члена-корреспондента АН СССР, директора Института Африки Анатолия Андреевича Громыко<sup>2</sup>, а также у Михаила Степановича Капицы, заместителя министра иностранных дел СССР. Однако Инстанция в итоге сделала выбор в пользу академика Е.М. Примакова, рекомендованного А.Н. Яковлевым и поддержанного Президиумом АН СССР.

Яковлев же познакомил Примакова с Горбачевым, что имело далеко идущие последствия для судьбы Евгения Максимовича, который вскоре сам станет членом команды молодого Генерального секретаря и будет принимать непосредственное участие — беспрецедентный до тех пор случай для директора академического института — в формировании внешнеполитического курса СССР. В этом смысле возвращение Примакова в ИМЭМО имело принципиально важное значение для Института, интеллектуальный потенциал которого в течение второй половины 80-х годов был востребован в полной мере.

<sup>1</sup> Личное дело А.Н. Яковлева // Архив ИМЭМО РАН.

<sup>2</sup> М.С. Горбачев, во многом обязанный своим избранием на пост Генерального секретаря ветерану Политбюро Андрею Андреевичу Громыко, по всей видимости, обещал освободившийся пост директора ИМЭМО его сыну, но под давлением Яковлева и академического сообщества, настаивавших на кандидатуре Примакова, вынужден был отказаться от своего намерения. Зато самого А.А. Громыко Горбачев выдвинет на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Из воспоминаний академика Е.М. Примакова<sup>1</sup>:

*«<...> На моей кандидатуре настаивал Александр Николаевич Горбачев вначале колебался, а потом под «прессингом» Яковлева все-таки согласился. Я переходил с директорской должности в Институте востоковедения — тоже очень важного академического института, не уступающего по размерам ИМЭМО. И все-таки ИМЭМО был значимее в плане выработки новых идей, новых подходов, нового отношения к процессам, происходившим в мире. Да и занимал особое место среди других академических институтов гуманитарного профиля своей близостью к практике, к структурам, выработывавшим политическую линию. <...>*

*По-настоящему ИМЭМО расцвел в те годы, когда его директором стал академик Николай Николаевич Иноземцев. У меня к нему особые чувства. Нас связывали, помимо служебных, дружеские и, что особенно важно, доверительные отношения. Это был несомненно выдающийся человек — образованный, глубокий, интеллигентный, смелый — прошел всю войну офицером-артиллеристом, получив целый ряд боевых наград, и в то же время легкоранимый, главным образом тогда, когда приходилось решительно отбивать атаки своих личных противников, а таких было немало — злобных, завистливых. <...>*

*Сегодня, с расстояния пройденных лет, когда думаешь о том, какие идеи приходилось нам доказывать, пробивать через сопротивление, мягко говоря, консервативных элементов, иногда становится просто смешно. А тогда было совсем не до смеха...*

*А сколько сил ушло, например, на то, чтобы доказать очевидное для нас, но не совпадавшее с работами классиков марксизма-ленинизма положение о существовании универсальных законов в отношении производительных сил вне зависимости от характера производственных отношений. Иными словами, что существует ряд одинаковых закономерностей независимо от того, где развивается производство — в социалистическом или капиталистическом обществе. А ведь противники этого очевидного положения практически захлопывали дверь для использования у нас опыта западных стран.*

*Нас обуревала гигантомания. Мы строили огромные заводы — чуть ли не единственных производителей той или иной продукции в стране, считая, что выигрываем на производительности труда, и ставили себе в заслугу отсутствие конкуренции, в то время как на Западе давно уже поняли преимущества мелкого и среднего производства, рассредоточенного по всей стране. Или многоотраслевая структура управления — около 95 процентов корпораций в США многоотраслевые, а это высшая форма организации производства, над которой уже не стоят ни министерства, ни ведомства. Такая же картина в Японии, Западной Европе. Или создание всех условий, вплоть до организации безлюдных третьих смен, для того, чтобы быстрее амортизировать передовое и дорогостоящее оборудование. Или*

<sup>1</sup> Извлечения из книги: Примаков Евгений. Годы в большой политике. М., 1999. С. 20—64.

создание «венчурных» предприятий, призванных решить определенную задачу на острие научно-технического прогресса. Или оптимальная организация сбыта и утилизации сельскохозяйственной продукции. Этот список, конечно, можно было бы продолжать и продолжать.

Эти и многие другие проблемы становились содержанием записок, направляемых руководству страны. Щедро снабжал ими ИМЭМО и рабочие группы при Брежневле, а во времена Горбачева прорывался с такими записками на самый верх.

Но часто это происходило поистине в карикатурных формах. Уже в годы перестройки Николай Иванович Рыжков, тогдашний Председатель Совета Министров, понимая важность производственно-организационного преобразования подшипниковой промышленности для развития отечественного машиностроения, собрал у себя широкое совещание производственников и ученых. Мы в ИМЭМО серьезно подготовились к этой встрече, изучив опыт Швеции, ФРГ, провели несколько обсуждений, вовлекли в работу способных экономистов, в частности А.А. Дынкина и Р.Р. Симоняна. Были на совещании с ними в Кремле во всеоружии, предложив схему создания четырех научно-производственных объединений и подробно показав их структуру. На вопрос, как распределится между ними качественное производство подшипников, ответили, к удивлению многих присутствовавших, что все четыре объединения будут выпускать однотипную продукцию — так мы обеспечим конкуренцию. Тогда взял слово министр автомобильного транспорта и, обращаясь к Председателю Совмина, сказал: «Я обещаю прорыв в подшипниковой области другим путем — мне нужен еще один заместитель, вот его «объективка».

Будучи умным человеком, Николай Иванович прервал заседание, сказав министру: «Вы явно не готовы к обсуждению». Но и в Кремль по этому вопросу нас больше не вызывали. <...>

Много шишек набил себе ИМЭМО, доказывая изменившийся характер капитализма. Очень нелегко было вопреки совершенно очевидным вещам, в эпоху научно-технической революции, быстро меняющей облик всего мира, преодолеть сопротивление тех, кто все еще считал, что производственные отношения при капитализме выступают как тормоз развития производительных сил. В штыки встречались догматиками — а они верховодили во всяком случае в соответствующих секторах отделов науки и пропаганды ЦК КПСС — такие бесспорные теоретические положения, выдвигаемые сотрудниками ИМЭМО и некоторых других институтов, как способность производственных отношений меняться в рамках капитализма, приспосабливаясь к требованиям научно-технической революции. Писали, в том числе и я, что этот процесс затрагивает такую политэкономическую «святая святых», как собственность, причем меняются не только ее формы, но и содержание.

Мы показывали, насколько серьезных успехов добился современный капитализм в контроле инфляции, а подчас и в использовании ее для роста производства, вообще в регулировании на макро- и микроуровнях.



*Известно, что Ленин, говоря об историческом месте капитализма, выстраивал следующую цепочку: свободная конкуренция способствует концентрации производства — концентрация в свою очередь приводит к монополиям — монополия ограничивает и стесняет свободную конкуренцию. Конечно, и Ленин не считал, что монополия охватывает все, но главное все-таки заключалось в его выводе о том, что монополия является антиподом конкуренции, которая, как известно, выполняет функцию движущей силы технического прогресса. А как сложилась жизнь, особенно во второй половине XX века?*

*Во время моего директорства в ИМЭМО мы создали кафедру на экономическом факультете Московского государственного университета, которую на общественных началах я возглавил. На 1 сентября 1986 года в 9 часов утра была назначена моя лекция для студентов третьего курса. Я тщательно к ней готовился, но, несмотря на последовавшие положительные отзывы, не заблуждался — был далек от успеха. В аудитории сидели студенты, не видевшие друг друга несколько месяцев летних каникул, и им было куда интереснее поделиться друг с другом своими впечатлениями. В общем, такого состояния, когда «слышно, как муха пролетит», в аудитории не было. Но все-таки вопросы задавали, и в том числе недоуменные по той части моей лекции, где я сказал: «Требуется корректировки понятие монополии, которое так часто трактуется в научной и учебной литературе со ссылкой на Ленина. Во-первых, хотел бы обратить внимание на неустойчивость монополий в капиталистическом мире в современных условиях — возросшая зависимость от рынка поставила даже многие крупные компании на грань банкротства. При высоком научно-техническом уровне современного производства те, кто получают первыми новую технологию, могут ликвидировать монополию, выйдя на рынок с аналогичной продукцией. В таких условиях, приспосабливаясь к обстановке, преобладающее большинство монополий превращаются в многоотраслевые корпорации. Во-вторых, в капиталистическом мире происходит рост немонополизированного сектора. В 80-х годах на долю этого сектора в капиталистических странах приходилось более 40 процентов валового внутреннего продукта и 60 процентов численности занятых — и не только в наукоемких, но и в «традиционных» отраслях. В-третьих, конкуренция бурно развивается не только на национальном, но и на транснациональном уровне. Таким образом, можно сделать вывод, что концентрация и централизация капитала в новых условиях не вытесняет конкуренцию и не тормозит научно-технического прогресса».*

*Можно считать, что впервые в ИМЭМО вовсю заговорили об интеграционных процессах, о качественном сдвиге, связанном с созданием транснациональных компаний (ТНК).*

*Это кажется забавным, но ИМЭМО не без причины считал тогда одним из своих несомненных достижений «идеологический прорыв», который заключался в том, что впервые было заявлено о необратимости и объективном характере экономической интеграции в Западной Европе.*

*Следовательно, сближение между государствами при капитализме, а не рост противоречий как магистральная линия развития? Если и происходят*



какие-то процессы, напоминающие переплетение экономик, то это лишь искусственное создание экономической базы для НАТО! Но несомненно, что и такое субъективное вторжение в экономику при капитализме недолговечно! Так рассуждали тогда очень многие, особенно «политэкономы».

А к каким выкрутасам не прибегали, чтобы подтвердить «годную для всех времен» правоту Ленина, который «поверг ниц» Каутского, доказывая неизбежность абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме!.. Это была далеко не шуточная проблема. Ведь из этого постулата выводилась универсальная неизбежность революции, свергавшей капиталистический строй. Особенно трудно стало догматикам доказывать неизбежность представления об абсолютном обнищании рабочего класса, когда перестал существовать «железный занавес» и те, кто выезжал за границу — а их становилось немало, — убеждались, насколько улучшалась жизнь, поднимался ее материальный уровень за рубежом.

Для того чтобы отстоять вывод о том, что абсолютное обнищание рабочего имманентно капитализму во все времена, прибегали даже к такому «объяснению»: потребности трудящихся с развитием научно-технического прогресса растут быстрее, чем реальная возможность удовлетворять эти потребности. При этом игнорировался относительный, а не абсолютный характер обнищания даже в такой, тоже не соответствующей действительности, ситуации.

В ИМЭМО открыто дискутировались такие проблемы.

Новому осмыслению начало подвергаться и такое, казалось бы, «железобетонное» положение марксизма-ленинизма, как неизбежность циклических кризисов при капитализме, разрушающих производительные силы и отбрасывающих все общество назад. Этому противопоставлялось в виде несомненного преимущества бескризисное развитие при социализме. Вместе с тем становилось все очевиднее, что, во-первых, циклические кризисы в капиталистических странах теряли свою первоначальную остроту, видоизменялся сам цикл и, во-вторых, именно на время спада производства приходилась наиболее активная фаза его структурной перестройки в пользу наукоемких направлений и его модернизации, что позволяло делать очередной рывок. <...>

Но самым главным препятствием, мешавшим реальному представлению об окружающей нас действительности, было, пожалуй, отрицание конвергенции, то есть взаимовлияния двух систем — социалистической и капиталистической. Защита понятия конвергенции считалась полным отступничеством от марксизма-ленинизма. Впервые Ленин, а затем, в гораздо более отчетливой форме, Сталин утверждали, что, в отличие от всех других исторических формаций, социализм, как таковой, не возникает в недрах предшествовавшего ему капитализма. Материально — заводы, рудники, города, сельскохозяйственные угодья — да, это достается по наследству. Но ни одного элемента, составляющего отношения к производительным силам. Отсюда и «весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем (лишь после полного разрушения. — Е.П.) мы наш, мы новый мир построим».

*Отрицание конвергенции не укладывалось даже в систему самих марксистско-ленинских идеологических представлений, но это мало кого волновало. Утверждали же, что социализм оказывает влияние на все мировое развитие. Если так, то как можно абстрагироваться от того, что он влияет на капитализм, видоизменяя его хотя бы в определенных пределах? Но от признания этого — один шаг до признания и обратного воздействия. Открытых шагов ни в одном, ни в другом направлении сделано не было.*

*Но косвенное согласие с тезисом о взаимовлиянии двух систем содержалось во многих экономических работах академических институтов и в меньшей степени — в работах высших учебных заведений. Главный вывод, который отстаивали мы, состоял в тезисе о совместимости социализма с рынком, рыночными отношениями. По этому вопросу ученые ИМЭМО, ЦЭМИ, Института экономики и некоторых других «наглухо» разошлись со многими обществоведами, преподавателями политэкономии. Сама жизнь подталкивала к этому выводу. Здесь сказывалось большое влияние практики, которая демонстрировала ряд преимуществ рыночных отношений.*

*Что касается влияния социализма на капитализм, то без понимания этого трудно объяснить те изменения, которые произошли в капиталистическом мире, особенно после «великой депрессии» 1929—1930 годов.*

*В этом вопросе я разделяю взгляды Г.Х. Попова, изложенные в его интересной книге «Будет ли у России второе тысячелетие». Я так же, как и он, считаю, что в применении к сегодняшнему дню нет никаких оснований оперировать такими категориями, как социализм и капитализм. В чистом виде их попросту нет. В работах ИМЭМО исподволь проглядывала эта идея. <...>*

*Следовало отходить от догматических представлений и во внешнеполитической и военно-политической областях. Задача эта становилась весьма актуальной, но, приступая к ее решению, мы в ту пору и здесь прикрывались... Лениным. Вспоминаю, как я отыскал цитату, где ранний Ленин говорил, что в ряде случаев интересы всего общества могут стоять выше классовых интересов трудящихся, и переслал ее для использования Иноземцеву в то время, когда он трудился на гаче. Цитата нашла свое применение.*

*«Свежему» прочтению подверглась и Декларация о мире — самый первый внешнеполитический документ Советской России — и, самое главное, ленинские комментарии к ней на II Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов. Подчеркивались слова Ленина о том, что призыв к справедливому демократическому миру был адресован не только народам, но и правительствам, так как, по словам Ленина, игнорирование правительств (империалистических со стороны созданного в России народного правительства) может привести к затягиванию заключения мира. «Важно также отметить, что предложение о справедливом демократическом мире, иными словами, о внедрении в международную практику абсолютно новых принципов, ни в коей мере не означало в понимании советского руководства отказа от всего, что было в системе международных отношений до рождения советской власти в России», — писал я в одной из работ, ссылаясь*

опять-таки на ленинские слова о необходимости «разумно принимать все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические».

Через такие трактовки проталкивался и обосновывался путь к необходимым внешнеполитическим компромиссам, способным разрядить международную обстановку в условиях «холодной войны».

В этой связи прежде всего встала проблема мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. Традиционно оно рассматривалось как «передышка» в отношениях между социализмом и капитализмом на международной арене. С появлением ракетно-ядерного вооружения, способного уничтожить не только две сверхдержавы, но и весь остальной мир, стали относить мирное сосуществование к категории более или менее постоянной. Но при этом не забывали добавлять, что это не означает прекращение противостояния и не притупляет идеологическую борьбу. Такое видение отношений с Западом, умноженное на стремление достаточных и авторитетных кругов в США и некоторых других западных странах расправиться с Советским Союзом, порождало перманентную нестабильность, неустойчивость на мировой арене. Создавался замкнутый круг, в котором раскручивалась гонка вооружений.

В конце концов установилось ценной огромных усилий и жертв с нашей стороны необходимое на тот период ядерное равновесие. Но гонка вооружений продолжалась, приближая все более вероятный сценарий уничтожения всего человечества. В это время в ИМЭМО и некоторых других научных центрах, от него отпочковавшихся, — особенно в Институте США и Канады, а затем в Институте Европы, возглавляемом академиком В.В. Журкиным, — началась разработка новых внешнеполитических подходов с целью переломить тенденции, ведущие к термоядерной войне, и одновременно оптимизировать соотношение, с одной стороны, между средствами, выделяемыми в СССР на надежную оборону и, с другой — на рост гражданского производства и развитие социальной сферы. Появился термин «разумная достаточность».

Дело в том, что мы не только вынужденно наращивали свои вооружения, но отвечали США «зеркально». Между тем игнорирование принципа «достаточности» для сдерживания с учетом возможности нанесения «неприемлемого ущерба» для другой стороны стоило нам очень дорого: ВВП СССР был намного меньше американского, а на производство единицы национального дохода мы, по расчетам ИМЭМО, в 70-х годах тратили основных фондов больше почти в 2 раза, материалов — более чем в полтора раза, энергии — более чем вдвое.

Одновременно в ИМЭМО и ряде других институтов Академии наук серьезно анализировали деятельность Организации Объединенных Наций, которая, по нашему мнению, должна была сыграть самую активную роль в установлении нового миропорядка. Не скажу, что уже в то время мы все-таки задумывались над тем, что в конце 90-х годов США будут искать замену ООН в виде «натоцентристской модели», стремясь таким образом

сохранить свою превалирующую роль при отходе от двуполосного кон- фронтационного мира. Но уже в те времена, еще до отхода от глобальной конфронтации, мы в ИМЭМО и других институтах международного про- филья просматривали варианты преобразований в ООН, которые позволили бы адаптировать эту организацию к реальностям будущего.

Основной фигурой в этих исследованиях был мой друг профессор Григо- рий Иосифович Морозов. <...>

«Новое политическое мышление» в СССР связывают в основном с «эрой Горбачева». Действительно, в это время было сделано много. Разрабаты- вались эти новые подходы на государственной гаче в Лигзаве (Абхазия) в 1987 году. Главным автором был Александр Николаевич Яковлев.

Что действительно нового было предложено к осмыслению? Прежде все- го идея о взаимозависимости двух противоположных систем и сохраняю- щемся при этом единстве мира. Такое единство рассматривалось в двух плоскостях: с точки зрения научно-технической революции, охватывающей в той или иной степени весь мир, и общечеловеческих ценностей и интере- сов, выражающихся в стремлении всех избежать термоядерной войны. Проблема выживания теперь справедливо оценивалась как проблема выжи- вания всей человеческой цивилизации.

Вместе с тем единство мира интерпретировалось как часть общей формулы: единство и борьба противоположностей. Акцент впервые стал делаться на первой части этой формулы, а второй давалось ограниченное толкование, исключающее ядерное столкновение. Это уже было большим достижением, но, как представляется, гораздо устойчивее, органичнее и более последовательно выглядел бы вывод о единстве мира, если бы он бази- ровался на признании взаимосближения по существу двух систем, то есть конвергенции. Но этого тогда не сделали.

Новые подходы к международным делам проявились прежде всего в реше- нии задач безопасности СССР. При сохранении оборонного потенциала страны на первый план были выдвинуты политические средства обеспе- чения безопасности нашего государства. Именно в это время было осозна- но — и не просто осознано, а легло в основу политики, — что при накопи- нии такого количества и такого качества средств массового поражения в случае термоядерной войны не может быть победителя.

В период после 1985 года мы пришли к важнейшему выводу: военные меры сдерживания — равновесие страха — ненадежны, особенно в условиях «подъема паритета» с вовлечением в сдерживание новых сфер и новых средств — космоса, «экзотического оружия». Не исключено, что в таких ус- ловиях принятие важнейших военных решений становится прерогативой техники.

Именно этот вывод подтолкнул к идее сохранения паритета, но на воз- можно более низком уровне.

Известно, что с 1979 года не было советско-американских встреч в вер- хах, а М.С. Горбачев встречался с президентом Р. Рейганом пять раз. Мне довелось в составе группы экспертов находиться в Женеве, Рейкьявике,

Вашингтоне, был в этой группе и в Москве. Видел, можно сказать, с близкого расстояния, как трудно начинался диалог и каких усилий с советской стороны стоило отвести мир от опаснейшей черты.

В Женеву президент Рейган приехал со словами: сначала добиться договория через решение проблем защиты прав человека, урегулирование региональных конфликтов и лишь затем приступить к сокращению вооружений. В конце концов после острой полемики согласились с тем, чтобы идти по всем направлениям одновременно. Но это, по сути, были лишь наметки на будущее.

В Женеве по-настоящему не были оценены американцами некоторые «домашние заготовки» советской делегации. Горбачев дал понять, что целью СССР является непрерывность движения к сокращению вооружений. При этом мы отбрасывали ту формулу, которой пользовались в прошлом, — «или все, или ничего». В такой постановке не было учтено реально существующее на Западе убеждение, что без сохранения какого-то количества ядерных боеголовок у Советского Союза и Соединенных Штатов не обойтись в обозримом будущем — с учетом и накопившегося недоверия между СССР и США, и отсутствия гарантии нераспространения ядерного оружия, и даже возможности овладения им террористическими группами. Бывший министр обороны США Макнамара, которого я знал лично и очень высоко ценил не только как профессионала, но и человека, называл число таких «гарантирующих» боеголовок — 400, то есть на порядок меньше имевшихся на вооружении каждой из двух стран. У нас некоторые эксперты спорили с такими доводами, но в любом случае надо было считаться с распространенными на Западе взглядами.

Вообще нужно сказать, что мы впервые начали соизмерять свои внешнеполитические инициативы с общественным мнением на Западе — не отдельной его части, близкой нам по идеологическим убеждениям, а с господствующими, доминирующими в нем представлениями, в том числе и нелицеприятными. Еще одна внешнеполитическая догма, от которой мы отказывались, перейдя к новому мышлению, заключалась в том, что общественное мнение на Западе, «где у власти находятся представители монополистического капитала», не играет сколько-нибудь важной роли в выработке решений. Однозначно уверовав в это, мы в прошлом как-то не задавались вопросом: а почему в таком случае руководящие круги на Западе тратят так много энергии и средств, чтобы создавать общественное мнение в поддержку своей политики?

Наш новый подход с учетом общественного мнения проявился — что особенно важно — в отношении проблем контроля. Раньше мы соглашались на контроль за процессом сокращения вооружений только с помощью национальных средств. Помню встречу Горбачева с экспертами в Женеве. Нас неожиданно пригласили в «защищенный кабинет», где, помимо Горбачева, присутствовали Шеварднадзе, первый заместитель министра иностранных дел Корниенко и другие. И должен сказать, для нас, людей, профессионально занимающихся международными проблемами, но, в общем, «детей

своего времени», довольно неожиданно прозвучали слова: нет, очевидно, смысла упорно держаться за прежнюю позицию по контролю. Дело даже не только в том, что национальные средства, как считают на Западе, не при всех случаях надежны, а в том, что своим отказом от других средств мы подыгрываем тем, кто говорит, будто наше общество закрытое, результаты соглашений непроверяемы и поэтому, дескать, с нами не стоит договариваться.

Известно, насколько мы выиграли в общественном мнении, как только приняли новую философию контроля: если подписываем соответствующее соглашение, то готовы на самый что ни на есть жесткий контроль, в том числе международный или инспекцию на месте, включая открытие лабораторий.

Услышав эти слова Горбачева, присутствовавший в «защищенной комнате» академик Е.П. Велихов тут же спросил, относится ли все это к нашим оппонентам. Здесь мы все были единогоушны — никто не собирался открываться в одностороннем порядке. К сожалению, время показало, что обе стороны сохранили стремление уж во всяком случае не открывать своих лабораторий. Не знаю, как для американцев, но для наших разработчиков — в этом я твердо уверен, общаясь с ними, — такое «затворничество» во многом было и остается продиктованным настоящим стремлением их зарубежных коллег в целом ряде случаев прибегать к двойному стандарту: «Мы хотим знать, к чему готовитесь вы, что у вас делается, но это отнюдь не означает нашу готовность пустить вас к себе на «кухню».

Крайне неожиданно для западных политиков мы не исключали обсуждение вопроса о правах человека, но тоже на «обоюдоострой» основе. Это дало нам возможность превратиться из «подсудимого» в этой области, в чем не без успеха многие уверяли мировое общественное мнение, а равноправного партнера, обсуждающего один из самых животрепещущих вопросов современности. И не просто обсуждающего, но и серьезно озабоченного необходимостью найти соответствующие решения.

В общем накапливался позитивный материал для перелома в лучшую сторону в советско-американских отношениях. Так мы подошли к октябрю 1986 года, когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельствовать, что это была уже совсем иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы. Впервые Горбачев пошел на то, чтобы несколько «разбавить» мидовцев непосредственно в переговорных рабочих группах. Этому не сопротивлялся, во всяком случае в открытую, Шеварднадзе, наверно потому, что сам еще полностью не контролировал свой аппарат, но в дальнейшем престиж МИДа для него играл подчас самодевлеющую роль.

Я с советской стороны возглавлял подгруппу по конфликтным ситуациям. Моим партнером с американской стороны была заместитель госсекретаря Розалин Риджуэй — женщина с сильным характером и прекрасно подготовленная в профессиональном плане. И было вдвойне важно, что мы



пришли к взаимопониманию по целому ряду проблем, согласовали многие формулировки совместного документа. Правда, на это понадобилось почти 36 часов непрерывной работы. Но все в конце концов зависело от того, договорятся ли в основной — разоруженческой группе. Не договорились, хотя были близки к этому. Поэтому не был подписан и наш документ.

Горбачев очень стремился к результативности встречи. Когда он вышел провожать Рейгана, то даже при открытой дверце лимузина президент США предложил ему вернуться и подписать соглашение о сокращении вооружений. Рейган тогда не проявил готовности к этому.

Но тем не менее сближение сторон продолжалось, чему в немалой степени способствовало то, что мы впервые стали на деле признавать свои ошибки. Одна из них, очевидно, заключалась в размещении в Европе наших ракет средней дальности (по американской маркировке, СС-20). США в ответ решили размещать в Западной Европе «Першинги-2» с полетным временем до Москвы в 6 — 8 минут. Если наши СС-20 не могли рассматриваться для США как стратегическое оружие, так как не достигали их территории, то «Першинги-2» именно таковым для СССР и стали. Специалисты-ученые, среди которых были люди моего поколения, например, О.Н. Быков, и молодые — А.Г. Арбатов, С.А. Караганов и другие, писали об этом, резко критикуя тех, кто подсчитывал чисто арифметически и выражал свое неудовлетворение, что мы уничтожаем боеголовок больше, нежели американцы по договору, подписанному в Вашингтоне в 1987 году, о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

В этом еще раз проявился наш устоявшийся менталитет. Значительная, если не большая часть специалистов, занимавшихся военно-политическими вопросами, главным образом изыскивала аргументы в поддержку принимаемых решений на высшем уровне в СССР — некоторые это делали более рьяно, другие менее. Конечно, далеко не все такие внешнеполитические решения были со знаком «минус» или ущербными по своей сути. Многие из них не могли не учитывать шаги, которые делались или предполагались с другой стороны. Но главное в том, что процесс предварительного осмысления перед принятием решения с привлечением специалистов со стороны, а не просто сотрудников аппарата, да и то лишь в лучшем случае тех, кто профессионально знал проблему, как правило, был довольно редким.

В этой связи особое значение имело признание ошибочности решения о вводе советских войск в Афганистан. Вывод наших солдат из этой страны был поддержан преобладающим большинством населения СССР. Может быть, лишь небольшая горстка людей сетовала по поводу того, что мы «бросаем своих грузей на произвол судьбы». Этот мотив, как мне кажется, имел право на существование, но только в том плане, что следовало бы больше сделать для укрепления позиций группы, возглавляемой Наджибуллой, которая имела потенциал, чтобы в союзе с другими оставаться одной из влиятельных сил в стране. Может быть, это предотвратило бы трагическое развитие событий в Афганистане, погруженном в многолетнюю перманентную войну. Но тогда в Москве все сосредоточились на главном



для нас — исправлении исторической ошибки, стоившей жизни и здоровья многим тысячам наших ребят.

Так уж ли все сразу прозрели или решение о вводе «ограниченного военного контингента в Афганистан» с самого начала резко осуждалось внутрисистемными диссидентами? Ни то и ни другое. Нужно сказать, что журналисты, ученые (к их числу принадлежал и автор этих строк), поставленные перед фактом ввода войск, не выступали публично против этого, что не относится к небольшому числу закрытых обсуждений, об одном из которых пишу ниже. Руководствовались главным образом устоявшейся привычкой безоговорочно поддерживать все принятые наверху решения. Сказывался и привычный образ мышления, сформировавшийся в условиях жесткой конфронтации с Соединенными Штатами, осложнением отношений с Китаем.

Это все было характерно для реакции на ввод войск. И я не знаю исключений, несмотря на ретроспективные «пассажи» некоторых авторов, утверждавших, что с самого начала боролись против направления наших ребят в Афганистан. Такую борьбу — это нужно признать — вели те, кто порвал с советской системой, а не те, кто ощущал себя ее частью. Но реакция на афганские события все-таки стала меняться даже среди «аппаратчиков», когда «временная мера пребывания ограниченного контингента» растягивалась на годы, да к тому же привела к негативным последствиям. Незабываем героический подвиг наших ребят, сражавшихся в Афганистане. Но это не должно уводить от трезвого анализа и того, как принималось решение о вводе войск, и того, как они там застряли на долгое-долгое время, и деятельности наших многочисленных советников, подчас далеких от понимания реальной обстановки в этой стране.

Признавая все это, вместе с тем нельзя закрывать глаза на действия Соединенных Штатов и их союзников, направленные на изоляцию СССР, создание для нас труднейших ситуаций в различных регионах мира. Поэтому иногда даже американские оппоненты — я имею в виду, конечно, наиболее объективных и, если хотите, интеллигентных из них — удивляются, когда некоторые наши участники многочисленных встреч за «круглым столом», дискуссий на симпозиумах, семинарах так сосредоточенно посыпают голову пеплом, что забывают об оценке действий противоположной стороны. Позже, работая во внешней разведке, я знакомился с тем что делалось по линии спецслужб США для «удержания» нас в Афганистане. Так мы знали и о поставках наисовременнейшего оружия, «стингеров», афганским моджахедам для нанесения максимального урона советским вооруженным силам в Афганистане. Такие уж были «правила поведения» во время холодной войны.

Кстати, скорее не по инерции, а в ведомственных или даже «общеглобальных» интересах, американская поддержка отдельных групп в Афганистане продолжалась и после вывода наших войск. Когда Кабул захватили и установили контроль над большей частью территории Афганистана «талибаны» или «талибы» (мы хорошо знали, что это движение создавалось пакистанскими военными и спецслужбами, да и американцы, особенно на первых порах, не остались безучастными), я говорил госсекретарю США

*Маглен Олбрайт: не повторяйте наших ошибок. Если вы хотите мира и стабильности в Афганистане, то достичь этого можно лишь на коалиционной основе. Одна какая-то сила, этническая или политическая, а «талибаны» — только пуштуны, — не сможет контролировать ситуацию во всей стране. Думаю, что Вашингтон убедился в этом, и не только в этом, — Афганистан превратился в место подготовки террористических групп, протягивающих свои щупальца в другие страны и даже на другие континенты.*

*Думаю, что не все пакистанцы были вдохновлены деятельностью «талибан». Во всяком случае, в середине 90-х годов премьер-министр Бхутто в разговоре со мной сетовала на то, что трудно, если вообще возможно, «загнать назад джинна, вылезшего из бутылки».*

*Но вернемся к концу 80-х. Когда в Белый дом пришел новый президент, наши надежды на то, что Буш в гораздо меньшей степени, чем Рейган, «идеалист» и в гораздо большей «прагматик», в целом оправдались. Немалое значение имел и тот факт, что за спиной Буша уже был накопленный в результате обоюдных советско-американских усилий потенциал стабилизации международной обстановки. Прагматик Буш, как представляется, оказался больше, чем Рейган, восприимчивым к процессу деидеологизации межгосударственных отношений, несколько отошел от типичных для американских политиков представлений: если мы, дескать, выходим в своих внешнеполитических акциях за советско-американские рамки, сосредоточиваемся на улучшении отношений со странами Западной Европы, с Китаем, то мы делаем это для того, чтобы расколоть НАТО или «разыграть» против США какую-нибудь очередную «карту».*

*Между тем накануне прихода к власти президента Буша состоялся визит М.С. Горбачева в Индию, а после — в Китай. Оба визита имели первостепенное значение.*

*К этому времени в практику поездок главы государства за рубеж стала внедряться новая форма подготовки визитов: за несколько дней до их начала в страну направлялась группа экспертов, состоявшая из ученых, практиков-международников. Участники группы встречались с коллегами, давали интервью, выступали перед серьезными аудиториями. Все это создавало отличную «пищу» для «свежего» восприятия обстановки и ложилось в основу тех рекомендаций, которые высказывались Горбачеву. Все начиналось с мимолетных реплик еще на аэродроме, где по прибытии он, здороваясь с нами, часто задавал вопросы, а затем все мы — а я принимал участие практически в каждой из таких экспертных групп — собирались в посольстве и в присутствии главы и членов делегации делились своими наблюдениями и соображениями.*

*Такая «подзарядка» до начала переговоров, очевидно, была бесполезной. Нужно сказать, что в практику Горбачева плотно вошел обмен мнениями с экспертами и в ходе переговоров, а некоторых из нас он включал в группу, сопровождавшую его при встречах с руководителями посещаемой страны.*

*Большое впечатление произвела на нас Индия. Естественно, поразили и древнейшие памятники культуры, зодчества, масштабы страны.*

Но, пожалуй, главное, что для некоторых членов советской делегации, ранее не знакомых с Индией, было полной неожиданностью, — это высокий уровень научно-технического прогресса. Во многих его областях Индия выходила в первые ряды. В условиях, благоприятствующих политическому сближению, развитию многосторонних экономических связей СССР с Индией, обоюдной заинтересованности в военно-техническом сотрудничестве, это создавало абсолютно новую перспективу взаимодействия двух стран. Об этом мы говорили, обсуждая итоги визита в Дели, в резиденции Горбачева в посольстве, но без наших дипломатов, работающих на месте.

На встречу мы ехали в машине, за рулем которой сидел советник нашего посольства. Разговорились. Он — я думаю, что это не было характерным для нашего посольства в целом — очень неуклюже высказался в адрес индийцев. Я резко прервал его: «Да как вы можете здесь работать, если так неуважительно говорите о людях этой страны?» Он что-то вяло промямлил в ответ. Когда пошел разговор в присутствии Горбачева и Шеварднадзе о перспективах наших взаимоотношений с Индией, я сказал, что для этого здесь в основном должны находиться другие люди. Меня поддержали, напоминая, что представители СССР в Индии должны по-настоящему понимать стратегическую ценность наших отношений с этой страной. Я рассказываю об этом так подробно, потому что происшедший разговор чуть не повлиял на мою судьбу. Но об этом потом.

Визит в Китай был не менее важен. Горбачев с «сопровождающими лицами», как они назывались во всех официальных документах, прибыл туда в то время, когда КНР была на распутье. С одной стороны, под патронажем Дэн Сяопина начались экономические преобразования — основательные, переводящие из ресурсного потенциала в реальность огромные возможности этого великого народа. С другой — китайское руководство было максимально заинтересовано в сохранении политической надстройки, в том числе партии, способной обеспечить стабильность и активно руководить преобразованиями в экономике. Конечно, в какой-то степени это создавало своеобразное раздвоение: определенная и осязаемая демократизация в экономической сфере не подкреплялась сразу столь же действенной демократизацией в политической области.

Я не берусь судить сегодня о том, была ли заложена «жизненная работа» в таком дисбалансе, продиктованная, кроме прочего, учетом исторического опыта и традиционной специфики Китая. Но такая двойственность сложилась и по отношению к визиту Горбачева. Его принимали как лидера обновления социализма, вставшего на путь, ведущий к рыночным отношениям, к новым нормам, которые могут, как считали тогда мы, да и в Китае, наконец-то показать преимущества социалистического способа производства. В то же время китайское руководство опасалось, как бы этот визит не «раскачал» страну, не подпитал ту часть населения, главным образом интеллигенцию и особенно студентов, которых явно вдохновлял советский пример внедрения гласности.

*Студенты обратились к Горбачеву с просьбой выступить перед ними на митинге. Мы — я был среди самых активных в этом отношении — категорически не советовали ему делать этого. И, может быть, оказались правы.*

*При любых обстоятельствах, выступи Горбачев перед студентами, навряд ли оказалась бы столь гружественной и плодотворной встреча с Дэн Сяопином, на которой я присутствовал. Дэн всячески демонстрировал свое уважение к СССР, подчеркивал громадное значение для Китая оказанной ему в прошлом советской помощи и поддержки. Он говорил о чрезвычайной важности не только для наших двух стран, но для всего мира в целом развития китайско-советского сотрудничества.*

*Дэн сидел в большом кресле рядом с восседавшим в таком же большом кресле Горбачевым. Обращался к нему по-грузески, как мне показалось, демонстрируя свое уважительное отношение. Горбачев тоже был максимально гружелюбен. Нашел формулу, которая, по его словам, показывает наши различия, но не разделяет СССР и КНР: «Мы начали перестраиваться с политики, а вы с экономики, но придем к одним результатам». Дэн в ответ молча кивал.*

*Даже по этой беседе, длившейся более часа, можно было представить, насколько светлым умом обладал этот уже очень пожилой человек и с каким огромным уважением относились к нему все присутствовавшие.*

*А «на дворе» бушевали страсти. Студенты демонстрировали на площади Тяньаньмэнь и блокировали «правительственный островок», где на многих гектарах располагались дома руководящего состава Китая и гостевые дачи. «Островок» этот был живописнейшим местом: лужайки, пруды с причудливыми мостиками, деревья и кусты, заботливо пересаженные чуть ли не из всех концов Китая, и прекрасные, построенные в старокитайском стиле, но вполне комфортабельные дома с вышколенной, улыбочивой и доброджелательной прислугой. Когда каждый из нас подъезжал к выделенному ему для проживания дому, обслуживающий персонал — молодые ребята и девушки (на мой вопрос ответили, что их набирают из провинции, и они здесь проходят хорошую школу) выстраивались в шеренгу в красивой китайской одежде и в обязательных белых перчатках и все разом кланялись. Это же повторилось при нашем отъезде.*

*Как-то Михаил Сергеевич пригласил меня прогуляться с ним по территории резиденции. Говорили обо всем, и конечно о чрезвычайной важности отношений с КНР. Это выходит далеко за двусторонние рамки. Сила нашей внешней политики, заметил я, в максимальном охвате различных государств, и особенно в развитии отношений с азиатскими странами. При такой конфигурации нам будет легче иметь дело и с Западом. Горбачев согласился и неожиданно сказал, что у него связаны со мной некоторые планы.*

*Визит прошел хорошо, хотя обстановка была нелегкой. Сотрудник посольства Миша Медведев, который впоследствии работал в моих секретариатах и в Министерстве иностранных дел и в правительстве, решил прокатить меня по городу. И как раз в это время разгорелись студенческие демонстрации. Возгласы: «Горби!» — и на русском языке: «Дружба!», «Това-*

рищ!», машину со всех сторон обступила толпа. Мы проехали один километр в течение часа, — так трудно было пробиться сквозь людскую массу, несомненно доброжелательную, более того, восторженно-дружескую. Узнавая нас, обращались к нам и по-русски. Было удивительно, как многие молодые, уже не те, которые учились или работали у нас, произносили русские слова, изливая свои чувства.

Результаты визитов в Индию и Китай сказались и в том, что мы переставали рассматривать советско-американские отношения изолированно.

Но означало ли это, что мы разыгрываем так называемые китайскую и индийскую «карты»? Я уже писал, что подобное мнение было широко распространено в США. Оно — просто примитивно, так как исходит из незыблемости «американоцентризма», (все прочее «вращается» вокруг США, и только). Такие суждения примитивны вдвойне, так как не учитывают заинтересованности СССР, а затем России в активном развитии отношений с этими быстро растущими азиатскими гигантами, население которых составляет половину всего человечества. Вместе с тем мы не могли и не можем не учитывать, что диверсификация связей безусловно укрепляет нашу роль как великой мировой державы, в том числе и в отношениях с США.

Но главным образом советско-американское будущее зависело — и это стало совершенно ясно — от способности или неспособности нового президента Буша или американского истеблишмента в целом отказаться от разговора с нами с «позиции силы». Не открыто, предъявляя ультимативные требования — мы понимали, что опытный Буш, по-видимому, осознает непродуктивность этого, — а наращивая опережающими темпами вооружения.

Две наибольшие опасности в этом плане виделись в следующем: во-первых, даже при договоренностях о сокращении вооружений — в тенденции на «компенсацию» таких их видов, которые выбывают из арсенала (например, модернизация тактических ракет после подписания договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности), и, во-вторых, в упорном нежелании вводить даже в сферу переговоров некоторые из вооружений, создающих асимметрию в пользу США. Такой «священной коровой» для Соединенных Штатов является военно-морской флот. Американские политики утверждали, что это диктуется особым положением «сверхморской» державы, которым якобы обладают исключительно США. Даже не споря с этим аргументом, можно было бы по той же логике утверждать, что СССР, будучи «сверхсухопутной» державой, имеет право на сохранение асимметрии в области сухопутных сил. Как известно, мы на этот путь не встали.

Вслед за поездкой в Нью-Дели меня пригласили выступить перед сотрудниками отдела загранкадров ЦК. После выступления заведующий отделом С. Червоненко проявил ко мне особое внимание: он даже проводил меня до лифта, что было не принято в те времена. Его заместитель, с которым у меня сложились хорошие отношения, позвонил мне в институт и сказал: «Вы на меня не ссылайтесь, но уже в принципе решено — Горбачев это одобрил, — вы едете послом в Индию». Я встревожился не на шутку. Я знал, на-

сколько важен пост посла в этой стране, но дело в том, что уже тогда резко ухудшилось здоровье моей жены, и я понимал, что индийский климат, очевидно, не пойдет ей на пользу.

Позвонил А.Н. Яковлеву. Он находился в Завигово.

— Но ты ведь сам говорил, что нужны новые люди в Дели? Ну хорошо, — заключил Яковлев. — Ты позвони обязательно Шеварднадзе, и не откладывай.

Эдуард Амвросиевич в ответ на мои разъяснения причин отказа от «столь заманчивого предложения», как-то сразу потеплев, сказал: «Я не знал, что Лаура Васильевна больна; не волнуйтесь, конечно, не будем настаивать». Так я не стал послом в Индии. А вскоре я был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, затем членом ЦК. Так что индийский «трамплин» не понадобился. Но жену потерял — она скончалась в 1987 году, и кто знает, может быть, индийский климат и был бы не столь уж плохим для ее больного сердца? <...>

После смерти Лауры с головой ушел в работу, которая в ИМЭМО меня удовлетворяла по всем статьям. И не только в ИМЭМО. Особое место занял только что созданный Советский национальный комитет азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, первым председателем которого я был избран.

Формально комитет был образован как национальная ячейка, призванная способствовать приему нашей страны в АТЭС — Азиатско-Тихоокеанский экономический совет — один из важных механизмов, способствующих развитию стран этого обширнейшего (включая тихоокеанские прибрежные государства Латинской Америки) и, пожалуй, самого перспективного по экономической динамике региона мира. В АТЭС вошли США, Япония, Китай и другие страны.

Вместе с тем для нас активность по линии Советского комитета имела и другой, не менее важный смысл. Комитет должен был способствовать ускорению развития нашего Дальнего Востока и Восточной Сибири — не только за счет более органичного их вписывания в мирохозяйственные связи АТР (конечно, не во вред единству нашей страны, однако, с учетом гигантских расстояний, несомненно более выгодными и были и остаются непосредственные экономические отношения с расположенными вблизи от него азиатско-тихоокеанскими странами), но и внутренней перегруппировки финансово-экономических возможностей Советского Союза в их пользу.

Не было никакого сомнения ни тогда, ни сейчас, что будущее России во многом зависит от того, сумеем ли мы поднять эту громадную, богатейшую, но чрезвычайно малонаселенную часть нашей страны.

С группой экспертов Советского комитета совершил поездку по Приморскому, Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям. Встречался и разговаривал с сотнями людей — патриотами, умными, энергичными, готовыми к делам на благо развития своих территорий. Запомнил слова, сказанные одним из них — инженером по специальности: «США стали великими только после освоения своего Тихоокеанского Запада. Это про-



изошло не за такой уж большой период — после второй мировой войны. Неужели это ничему никого не учит? А мы лишь принимаем постановления и их не выполняем».

Вернувшись в Москву, я прочел целый ряд материалов, статей, ознакомился со статистическими данными. Написал записку М.С. Горбачеву и отправил ее 12 августа 1988 года. Думаю, что она представляет интерес, поэтому излагаю ее достаточно подробно:

«1. Создалось впечатление — оно разделяется и местными руководителями, — что комплексная программа развития Дальневосточного региона, принятая в августе прошлого года, практически заваливается. Не обозначились даже подходы к началу ее осуществления, при этом она создавалась наспех и поэтому в ней не учтен ряд важнейших для Дальневосточного района проектов (пример: в программе нет строительства предприятий по производству извести, необходимой для обработки кислых почв, а это болезнь всей Амурской области, всего Приморского края). Нет четкой внешнеэкономической ориентации этой программы, не учтена необходимость автономного вписывания района Дальнего Востока в международное разделение труда.

2. Позитивным является уже намечившийся на Дальнем Востоке интерес к расширению приграничной и прибрежной торговли, созданию совместных предприятий с КНР, КНДР, Японией и даже Вьетнамом. Обозначился явно повышенный интерес к экономическому сотрудничеству и с нами со стороны наших соседей, особенно Китая. Все это хорошо. Однако уже сегодня настораживает ряд моментов, и главный из них — нежелание союзных министерств и ведомств выпускать из своих рук монополию на экономические связи с зарубежными странами. Энергичный и способный начальник порта Восточный в Находке говорил, что он мог бы резко увеличить контейнерные операции (специально построенный для этого терминал загружен лишь наполовину) и получить за это солидную выручку в валюте, если бы Министерство путей сообщения гарантировало перевозку контейнеров с Дальнего Востока до Бреста за 20—30 суток. Но такой гарантии, к сожалению, нет. Между тем эстафета, проведенная в экспериментальных целях, показала, что можно товары провозить за 12 дней.

Или такой совершенно необъяснимый казус. Сахалинский агропром договорился с японцами о продаже им до 150 т краба волосатика, который не вылавливается и не используется нами, но чрезвычайно высоко ценится в Японии. Были заключены соответствующие соглашения с рыбаковскими колхозами. Сделка с японцами сулила Сахалину 3 млн. долларов, но она не состоялась, так как ее запретило Министерство рыбного хозяйства. Такой запрет тем более непонятен, когда японцы каждодневно занимаются браконьерством в нашей зоне, вылавливая такого краба и уходя от пограничников на более быстрых шхунах. Аналогичных примеров много.

Негативно сказывается также отсутствие надлежащей информации у наших производителей. Поэтому они часто вступают в контакты по прибрежной и приграничной торговле не с теми, с кем нужно, не на самых

лучших для нас условиях. Внешнеторговые организации на Дальнем Востоке — а их там не мало — не развернули достаточной работы по информированию тех, кто вступает во внешнеэкономические сделки. Сказываются и неподготовленность кадров. Нужно здесь создавать школы бизнеса с привлечением иностранных специалистов.

3. Сложными подчас являются отношения между областями и краями. Много в них местничества. Один из примеров: завод Фармахим в Хабаровске с успехом экспортирует в Японию некоторые уникальные лекарства, мог бы экспортировать больше — сдерживает нехватка сырья, а в то же время Приморский край продает такое сырье японцам в необработанном виде.

Думается, что уже сейчас остро встает проблема создания в той или иной форме единого экономического района на Дальнем Востоке. Причем речь может идти, очевидно, не только, а может быть, и не столько о координации, а о выделении из министерств и передачи местным органам соответствующих производств и ресурсов.

4. Главный тормоз роста производительных сил на Дальнем Востоке — это недостаток рабочей силы. Создается впечатление, что нельзя решить эту проблему за счет надбавок к зарплате, предоставления бесплатных билетов для поездок в западные районы СССР и т.д. Все это — паллиативные решения. По-прежнему большая часть приехавших, накопив деньги, будет возвращаться.

Радикально решить проблему может лишь общий социально-экономический подъем в районе. А он зависит от достаточных масштабов жилищного и другого культурно-бытового строительства, от надежного снабжения населения, в первую очередь продовольствием. Причем на уровне, превышающем западную часть страны. Для этого нужна целенаправленная работа. Уже имеющийся опыт показывает (речь, правда, идет о единичных экспериментах, осуществляемых в Амурской области и в Приморье и пока скрываемых даже от Центра из опасения, что это проводится на «незаконном основании») большую эффективность сдачи в аренду или в подряд небольших сельскохозяйственных угодий китайцам и корейцам. Речь не идет, естественно, о продаже земли или о бесконтрольном заселении иностранцами, этого допускать нельзя.

А в строительстве вообще вопрос решается просто, особенно в районах, прилегающих к границе. В Благовещенск, например, китайцы предлагают завозить на световой день строительных рабочих, которые потом будут возвращаться назад. Такой вахтовый метод использования рабочей силы может применяться достаточно широко. Разве это представит для нас опасность?

И, конечно, вопросы экономического и социального подъема на Дальнем Востоке нельзя решить без твердого внедрения принципа: все здесь должно быть открыто, что не закрыто по оборонным соображениям, а не наоборот, как происходит в настоящее время».

Мне кажется, что выводы этой записки не утратили своей актуальности и сегодня, и я горячо поддерживаю мнение губернаторов Хабаровского,

Приморского краев, Амурской области и многих других, мыслящих такими же категориями.

Так что занимался тогда делами интересными и перспективными. Но опять подступали перемены в моей жизни.

Хорошо помню тот майский день. Сидел за столом в своем кабинете в ИМЭМО на 16-м этаже и правил записку, подготовленную сотрудниками о малом и среднем бизнесе в США. Вдруг зазвенела «вертушка», и в трубке раздался совершенно неожиданно для меня — он мне никогда не звонил до этого — голос Горбачева.

— Женя, помнишь наш разговор в Пекине? Я тогда сказал, что есть планы в отношении тебя. Теперь предстоит их осуществить. Речь идет о твоей работе в Верховном Совете СССР.

— Ну что ж, Михаил Сергеевич, нужно так нужно, — ответил я, не сомневаясь, что мне как депутату предложат, пожалуй, возглавить комитет по международным делам.

— Хорошо отреагировал, — прозвучало в ответ. — Как ты отнесешься к предложению стать во главе одной из палат Верховного Совета?

Меня это предложение огорошило.

— Я ведь занимаюсь наукой.

— Ну и что, — сказал Горбачев, — дело требует, чтобы занялся другим.

— Но как быть с институтом?

— Обещаю, что ты примешь участие в подборе своего преемника.

Преемником стал мой первый заместитель, впоследствии избранный академиком В.А. Мартынов, который достойно возглавил институт. Что касается меня, то во время представления моей кандидатуры депутатам, отвечая на вопрос: а как Примаков совместит свою работу Председателя Совета Союза с работой в Академии наук (помимо директорства в ИМЭМО, я еще был академиком-секретарем Отделения мировой экономики и международных отношений, куда входили все научно-исследовательские академические институты международного профиля, и членом президиума АН СССР), — М.С. Горбачев заявил: «Он уходит со всех своих постов в академии». Следует отметить, что такой «поворот» со мной не оговаривался. Более того, когда несколько позже заместителем Председателя Совета Министров СССР назначили академика Л.И. Абалкина, он обусловил свое согласие сохранением за ним директорского поста в Институте экономики. Я же был поставлен перед фактом вынужденной отставки со всех академических должностей. <...> ».

Из Постановления Президиума Академии наук СССР от 13 июня 1989 г.:

«Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. В связи с избранием академика Примакова Евгения Максимовича Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР освободить его от обязанностей директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с 10 июня 1989 г.

2. За большую и плодотворную работу на посту директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР объявить академику Примакову Евгению Максимовичу благодарность.
3. Назначить член-корреспондента АН СССР Мартынова Владлена Аркадьевича исполняющим обязанности директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

И.о. президента  
Академии наук СССР  
академик В.Н. Кудрявцев

И.о. главного ученого секретаря  
Президиума Академии наук СССР  
член-корреспондент АН СССР О.А. Богатилов»<sup>1</sup>.

Последние два года «советской» истории ИМЭМО АН СССР связаны с именем Владлена Аркадьевича Мартынова, ставшего преемником академика Е.М. Примакова и соответственно пятым по счету директором Института. Когда в Академии наук введут демократическую систему выборов руководящего состава научно-исследовательских институтов, В.А. Мартынов подтвердит свои директорские полномочия, получив широкую поддержку в научном коллективе ИМЭМО. В 1994 г. он будет избран действительным членом Российской академии наук по Отделению проблем мировой экономики и международных отношений. Академику В.А. Мартынову довелось руководить Институтом в самые тяжелые для отечественной науки 90-е годы. Этот период в истории ИМЭМО заслуживает отдельного разговора, время для которого еще не настало.

Из воспоминаний академика Владлена Аркадьевича Мартынова:

*«Хотя ИМЭМО и создавался как центр для обслуживания ЦК КПСС, он никогда не был типично советской организацией. И по своему кадровому составу, и по своему научному потенциалу Институт имел все возможности стать мозговым центром для новой власти. Однако проблема возникла, прежде всего, с самой новой властью, которая в начале 90-х годов не имела, кроме деклараций, ни стратегии, ни тактики.*

*В отличие от многих других научных центров ИМЭМО поддерживал сотрудничество с руководящими органами новой власти, особенно в первый период ее существования. Готовились ситуационные анализы и отдельные записки по ряду экономических и внешнеполитических вопросов, по поездкам Б.Н. Ельцина в Индию, Японию, Германию и т.д. Сотрудник нашего Института С. Благоволин был членом Президентского совета, а я был членом другого Совета, который в отличие от первого достаточно регулярно проводил свои заседания по вопросам внутривластной и экономической об-*

<sup>1</sup> Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

становки в России. Однако новая власть оказалась неспособной возглавить прогрессивные силы страны в борьбе за реальное обновление общества. На одном лишь антикоммунизме строить политику было невозможно. К тому же, власть оказалась сверхкоррупцированной. Ее деятельность во многом сводилась к дележу бывшей общественной собственности, и в этом водовороте текущей борьбы за дежес собственности, за сохранение власти новому руководству было уже не до научных разработок ИМЭМО, как не было ему дела и до выработки более или менее внятных тактических и стратегических целей экономического и социально-политического курса. Кризис финансирования не играл, в общем-то, главную роль в том, что ИМЭМО не стал тем центром для новой власти, каким он мог стать. Тем не менее, этот кризис был и до сих пор остается, фактором быстрого «старения» Института; он препятствует притоку молодых кадров. Престиж науки упал, что ведет к развалу научных коллективов в секторах и отделах, которые, в конечном счете, и создали научную репутацию ИМЭМО.

Не в моих жизненных правилах оценивать собственную деятельность, — заметил академик В.А. Мартынов. — И не только потому, что я всегда критически относился к тому, что делал. Конечно, многого не удалось сделать и по объективным, и, к сожалению, по субъективным причинам. Никогда не любил сотрудничать с политиками и некомпетентными людьми. Я порвал отношения и с Руцким, и с Хасбулатовым, когда они были на гребне власти.

Вряд ли стоит говорить о том, что я, как директор, многое сделал для развития общества, хотя отстаивал, с моей точки зрения, позиции, заслуживающие и внимания, и использования.

Из того, что удалось сделать, главное относится к деятельности самого Института — не допустить его развала, что, к сожалению, случилось с рядом научных организаций, сохранить научный костяк Института и высокое научное качество нашей работы»<sup>1</sup>.

В сентябре 2000 г. академик В.А. Мартынов перешел на должность советника РАН, продолжая активно работать в Институте. После его ухода с директорского поста ИМЭМО возглавил крупный ученый-международник академик Нодари Александрович Симония<sup>2</sup>. Институт продолжает фундаментальные и прикладные исследования в области современных мирохозяйственных и международно-политических проблем, затрагивающих экономические интересы России и интересы ее национальной безопасности.

---

<sup>1</sup> Из воспоминаний академика В.А. Мартынова.

<sup>2</sup> См. о нем: Восток—Запад—Россия: Сб. статей / К 70-летию академика Нодари Александровича Симония. М., 2002. С. 5—35, 420—429.